

Ирина Ваганова

ВСЕГДА БУДУ РЯДОМ

16+

Ирина Ваганова

Всегда буду рядом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40526537

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10879-0

Аннотация

На душу Анны открыли охоту мистические тёмные силы. Как тут обойтись без надёжного ангела-хранителя? Таким ангелом становится Вадим – бывший парень Анны. Его любовь спасительна. Однако Анна ищет другую. Череду необъяснимых событий ведёт героиню от одного чувства к другому, и как ни привыкла она полагаться на Вадима, главный выбор должна сделать сама.

Содержание

Одна	4
Вадим	15
Зоя Ефимовна	42
Гена	51
Кто он	59
Иная реальность. Эпизод первый	62
Наша реальность. Продолжение	63
Болезнь	67
Миша	75
Предложение	82
Непонятки	86
Тёмный роман	93
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Одна

Аня Кузницина задержалась на рабочем месте. Не следовало бы – Захаровна не тот человек, с которым мечтаешь пересечься в конце дня. Сменщица – до ужаса едкая тётка, – невзлюбила Анюту сразу, как та пришла в цех. Позже Аня приноровилась заканчивать работу раньше, чтобы сложить инструменты, сдать годные ответвители, отметить брак и припрятать заготовки на завтра. Лучше и самой скрыться: поболтать с табельщицей в «аквариуме», пока мастер уходит на перекур. Табельщица тогда была другая – Наташка – приветливая молодая девушка, умевшая ладить и с начальством, и с монтажницами.

Со временем до Кузнициной дошло, почему сменщица цепляется: шустрая новенькая зарабатывала больше, а у Захаровны и глаза были уже не те, и координация подводила. За шесть лет работы Аня приспособилась «ставить мир на паузу». Отключала приёмник в голове.

Работала, не торопясь, повторяла операции бездумно, мысли занимала сочинением стихов. Особо удачные записывала в телефон во время перерывов. Ещё одно развлечение нашлось – придумывала сюжеты фильмов. Монотонный труд стал менее тошнотворным.

Сегодня увлеклась поисками рифмы, опомнилась только, услышав звонок. Захаровна выросла рядом и пыхла, как

чайник со сломанным свистком. Анюта поспешно рассовала по местам инструмент, собрала в переноску коробки с ответвителями.

– А мусор кто за тебя вытряхивать будет? – кудахтала сменщица.

Другие монтажницы повернулись, точно стайка рыбёшек по неслышной команде. Ещё бы! Началось представление.

Сколько раз Аня обещала себе не связываться, а тут не утерпела, ответила, ну и огребла. Чего только ей не высказали: и детей нет, хотя тридцатник скоро, и замуж не берёт никто, и заносчивая, и высокомерная – это одно и то же, кажется. Опять же, у родителей на шее сидит – Захаровна таких насквозь видит – чуть что, хвостом вильнёт и в путешествие свалит. Забот никаких! Вот девки пошли беспутные какие.

Анюта выскочила из цеха и прислонилась к двери проморгаться, останавливая щекочущие глаза слёзы. Как назло, в конце коридора показался Митя. Мастер заканчивал работу чуть позже – отмечал в журнале выработку. Прошмыгнуть мимо него не получилось.

– Кузнецова, ты чего? Тебе плохо?

Аня открыла рот, но Митя поправился сам:

– Кузница. Да. Помню. Так что?

– Давление низковато. Встала резко, – схитрила девушка.

Кедров ещё что-то хотел спросить, но Анюта ускользнула.

Вадим ждал на проходной. После первой смены он редко появлялся, зато вечером обязательно провожал Аню домой.

Сейчас лучше бы не приходил! Стерпела ритуальный поцелуй, пошагала вперёд. Вадим извиняющимся тоном объяснял, почему его не будет на следующей неделе:

– Некстати у тебя вторая смена, но отложить не получается, – не дождавшись реакции, продолжил: – Ничего страшного, не беспокойся. Обычное обследование. Но, кровь из носу, надо сейчас.

Вадим говорил и говорил, Анюта должна была заметить несвойственную ему словоохотливость – не заметила. До самых дверей ни одного слова не проронила. В голове застрял вердикт сменщицы. Обидно было, что во многом Захаровна права. Кто ей Вадим? Не муж, не жених. Встретит после работы у проходной, возьмёт под руку, доведёт до порога, поцелует, и «До свидания, родная». Родная?

А сейчас даже не поцеловал, спросил только:

– Не слушала?

Анюту прорвало. Наговорила столько всего, что половины не запомнила. Досталось и маменькиным сынкам, которые не желали создавать свои семьи, и набалованным самолюблённым хлыщам, к которым Вадима никак нельзя было отнести, и вообще всему мужскому населению планеты.

Убежала, хлопнув дверью подъезда.

Все выходные лежала у себя в комнате, выползая только за чаем. Хорошо, что родичи умотали на разлюбезную дачу. Никто не лез с расспросами и рекомендациями.

Спасала «стихира», вернее, сайт «Стихи. ру», где Аня пя-

тый год вела страничку. Новый стишок «О горемыке» набрал просмотры и рецензии, большей частью хвалебные. Всё равно настроение оставалось на нуле. А вечером в воскресенье, когда утомлённые родители вернулись, Аняте пришлось выслушать упрёки: уборку не сделала, мусор не вынесла, продуктов не купила. Что за дочь! Вот-вот, и Захаровна о том же.

На работу пришла в том же состоянии, что уходила в пятницу. Весь день злилась на вселенную. Работала, как варёная. Мастер в конце смены, забирая готовые ответители, хмыкнул: производительность на уровне ученицы, лучшая работница, называется. Анята обиделась: один день неудачный – сразу упрёки. Хоть бы кто поинтересовался: как себя чувствуешь, не случилось ли чего?

Измучила себя мыслями о ссоре с Вадимом. Причина-то пустяковая. Да что там, нет никакой причины. Склочная тётка завела, а досталось парню!

После смены шла домой одна. Проходная научно-производственного объединения «Оптика-плюс» осталась за спиной. Немногочисленные работники второй смены разбежались по разным дорожкам. Анята осмотрелась, нет ли Вадима рядом? Никого. Подруга Люся Шалость ещё неделю будет в отпуске. Подумалось, вот бы завтра пойти с Шалуньей вместе, как раньше – до знакомства с Вадимом. Даже если он припрётся! Аня представила, как с независимым видом шествует мимо бойфренда под руку с Люсей. Кивнёт легонько

и всё! Чего он там вообразил? Не обойтись Анюте без его провожаний?

От сердитых мыслей стало теплее, но ненадолго.

Идти мимо заброшенных строений и повалившихся заборов было жутковато. Рассказывали про нападения на одиноких женщин в этих местах. Бандиты, угрожая ножом, сумочки отбирали. Бродячие собаки иногда набрасывались.

Аня прижала сумку к себе и ускорила шаг. Тропка тянулась мимо гаражей. Из-за стены донёсся залиvistый лай. Анюта подскочила от испуга, тут же постаралась успокоить себя. Не бояться! Вадим говорил: надо представить себя огромной, важной, величественной, тогда собака не нападёт. «Я большая. Я королева... Я царица, вокруг меня свита...» Собака ещё разок гавкнула из-под ворот и убрала морду. Уф! Пронесло!

Почему Вадим не пришёл? Неужели всерьёз принял Анькин вынос мозга? Вряд ли. Всё-таки психолог по образованию. Насквозь людей видит. А уж Анютины эмоции давно привык игнорировать. Есть какая-то причина, наверняка. Говорил про обследование... Да, точно, Вадиму надо ложиться в больницу, и он просил Аню не навещать. Почему? Стесняется? Точно! С матерью так и не познакомил, сколько Анюта не намекала.

Обида снова всколыхнулась. Вот ведь, лежит теперь в чистой, уютной палате, а она – бедненькая – идёт по закоулкам и трясётся от страха.

Ничего, уже кончается глухая стена гаражей, потом небольшой парк и дальше улица.

Что-то ткнулось в пятку. Обернулась, увидела собачонку, снующую у ног.

– Ф-фу!

Из-за угла гаражей выскочил огромный пёс, за ним ещё один, и ещё. Стая неслась к Анюте на невероятной скорости. Впереди вожак – шерсть клоками, глаза горят, из раскрытой пасти язык вывален, слюна брызжет!

А-а-а-а! Растерзают! Надо себя представить... Кем? Кем? Воображение подсовывало хлипкие образы. «Спасите!» – кричал кто-то внутри головы. Ноги стали ватными, сердце билось внизу живота, язык присох к нёбу. Аня зажмурилась, внимая нараставшему звуку царапавших асфальт когтей.

Стало тихо, Аня открыла глаза. Собаки, пригнув головы и поджав хвосты, замерли в двух метрах. Через мгновение, поскуливая, отступили и пустились наутёк. Что остановило зверюг?

Тревога нарастала. Анюта кожей ощущала чьё-то присутствие. Украдкой оглянулась. Никого не видно. Притаился за деревом или в кустах... «Я – королева! Никто не смеет меня тронуть!»

Поспешила к парку. Может быть, там есть люди?

Нет, пусто. Подошвы Аниных туфель одиноко шуршали по дорожке. Сердце kloкотало в висках, в ушах, в шее. Всё тело – одно огромное грохочущее сердце. Скорей, скорей!

Улица. Редкие тусклые фонари. Скользнуть в арку и через тёмный двор к подъезду.

Стук каблуков отозвался эхом. Аня нервно оглянулась. Её собственные шаги. Никого. Мелькнула тень. Да! Она видела тень! Кто здесь? Бросилась бежать. Спина взмокла. Чужие глаза смотрят, смотрят ей вслед, Аня ощущает буравящий взгляд! Быстрее, быстрее!

Проскочила арку, метнулась за угол и, прячась за куст боярышника. Пускай жуткая тень мчится дальше, Аняте надо отдышаться! Она вжалась в облупленную стену. В сумке звякнул телефон – пришло сообщение. Выдал! Аня бросилась через кусты, не разбирая дороги. Ветви хлестали по лицу, чуть не выкололи глаза. Скорее! Скорее! Тень рядом, преследует.

Не помнила, как добежала до подъезда, дрожащими пальцами набрала цифры на замке, рванула дверь и с усилием потянула её, чтобы поскорее закрыть. Всё. Спасена. Шорох на крыльце. Скребёт что-то в дверь. Ветка или пальцы? Ринулась вверх, перескакивая через две ступеньки. Вот родная квартира. Достала ключи, с третьего раза только попала в замочную скважину. Громкий стук захлопнувшейся двери разбудил полквартила.

Не разуваясь, Аня пробежала через прихожую и комнату. Отодвинула край занавески, выглянула. Внизу освещённый луной мужчина смотрел прямо в глаза Анне. Кто это? Вадим? Почему стоит там? Ждёт, когда в окне загорится свет.

Да, он говорил, что обычно ждёт, когда Аня поднимется и зажжёт свет в комнате. Девушка потянулась к настольной лампе и щёлкнула выключателем. В тот же миг силуэт внизу исчез. Не ушёл, а растаял. Что за наваждение? Аня всё ещё не могла справиться с дрожью. Ухватила одну из мыслей, мелькавших в мозгу, стараясь успокоиться. Вадим крался за ней. Да, это он, несмотря на ссору, провожал. Почему не подошёл по-человечески? Зачем так пугать? Ах, да! Сама заявила, что не хочет его видеть. Никогда.

Аня вспомнила про эсэмэс, прошла в коридор, подняла брошенную на пол сумку. Достала мобильник, прочла: «Не бойся, это я. Всегда буду рядом».

Кузница уставилась в зеркало. Там, слегка освещённый далёкой лампой, угадывался образ уставшей девушки с длинными спутанными волосами цвета зрелых колосяев. Глаза, подчёркнутые тёмными кругами теней, блестели. Обычно серо-зелёные, сейчас они казались карими.

Милый Вадюша! Надо извиниться за истерику. Анята выбрала нужный контакт, подождала. Не отвечает. Надо матери Вадика домой позвонить. Он съехал со съёмной квартиры неделю назад и теперь обитал у неё.

Набрала номер. Долго-долго слушала гудки, рисуя пальцем по зеркалу. Круг за кругом обводила едва различимое отражение встревоженного лица. Пришлось положить трубку, так и не пожелав спокойной ночи любимому человеку.

Любимому? В кровати долго ворочалась. В голове вертел-

ся давний спор с Люськой. Та, хоть и была младше на пять лет, обожала поучить подругу-растяпу. Не обидно: весело, с шуточками распекала. Рожицы делала прикольные: то изображала постно-вытянутое лицо Анютиногo кавалера, то глуповато хлопала глазами и жеманно поводила плечиком, копируя саму Аню.

– Люська! Чего ты в артистки не пошла? – хохотала Аня. – «Камеди вуман» по тебе плачет, честное слово!

– Тему-то не захлопывай! – горячилась Шалунья. – Кто тебе правду скажет, если не я?

– Ой, да желающих предостаточно. Мать пилит, бабуля намекает, вон, тётки из нашей смены тоже норовят, не говоря уже о Захаровне.

– Не равняй! Они из зависти, а я по дружбе.

Советы Люси сводились к тому, что Вадима надо бросить. Потому как любви никакой нет. Не то чтобы совсем нет, а у Ани к её ухажёру.

– Пойми, чудо! Девушке лучше быть свободной, чем в паре с мямлей. Он и предложения не делает, и под ногами пугается. Вроде как ты ему обязана. А ты не обязана! Найди нормального!

– Да где же? Нормального-то? Принцев на всех не хватает.

– Глаза разуй! Вон, хоть мастер наш...

Мысли перескочили на мастера Митю Кедрова. Люська не догадывалась, что, когда Кузницаина пришла работать в НПО, Кедров ей очень нравился. В то время ему было

под тридцать. Аккуратный, вычищенный, вечная природная укладка выющихся тёмных волос, никогда не догадаешься, что холостяк. Но вскоре выяснилось, что даже малейшего шанса на отношения с мастером у работниц нет. Митя контактировал с подчинёнными исключительно по делу. Шутки, подколки, заигрывания оставались без ответа, будто не слышал. Игривых взглядов, откровенных нарядов и случайных прикосновений не замечал. Истукан, да и только! Кузница с месяц пострадала, потербила душу несбыточными мечтаниями да успокоилась. Благо в чайные перерывы работницы любили позлословить о начальстве, и до новенькой дошло, что Митя – тупиковый вариант.

Луна пялилась в окно, нагло светила прямо в глаза. Аня встала задёрнуть занавески плотнее и выглянула во двор. Никого. А что, собственно, хотела увидеть?

Послышались шаги.

– Нюра, – мамин голос, – чего не спишь?

Аня шмыгнула под одеяло.

– Сплю, сплю, мам.

Та прошла на кухню, комментируя себе под нос дочкино неразумное поведение: после второй смены приходит поздно, нет бы поужинать, так заваливается в постель на голодный желудок. Всё фигуру бережёт. А чего её беречь? Порода их такая – женщины до старости не расплываются. Что сама Валерия Павловна, что мать её – Нюрина бабка, Клавдия Кирилловна – хоть сейчас на обложку модного журнала.

Зажурчала наливаемая в стакан вода, снова прошлёпали
мамины тапочки. Аня заснула.

Вадим

В выходные пришлось тащиться на дачу. Родители затеяли покраску веранды. Как затеяли? Валерия Павловна решила, что пора обновить, отправила мужа в «Кастораму», тот доставил заказанную банку оранжевого пинотекса, а мелевать предстояло дочери. Банки хватило на три слоя. Сохнут они по восемь часов, Аняте пришлось оставаться на ночь. За работой, прогулками, барбекю и печёной картошкой время промелькнуло также стремительно, как любимый, выученный до каждого словечка мультик. Аня радовалась возможности побыть с мамой и папой в пику кавалеру. Скоро год, как проводила все выходные с Вадимом, пусть теперь покусает.

В понедельник вернулась из отпуска Люська – загоревшая, громкая, неумолкаемая. Шалунье не хватало установленных перерывов, продолжала трещать за столом, отклоняясь назад и поглядывая через спину соседки на Аню, которая сосредоточенно работала и механично кивала в ответ на реплики подруги.

Мастер подошёл незаметно и подчёркнуто сухо сказал:
– Шалость! Скажу табельщице прогул поставить. Сама не работаешь и другим не даёшь.

– Так уж и не даю? – подмигнула ему Люська.

Кедров, не замечая фривольной интонации, продолжил:

– У Кузнецовой и так выработка в этом месяце...

– Я Кузница, а не Кузнецова, – привычно поправила Аня.

– Да. Не важно. Все поняли меня, надеюсь.

Митина спина поплыла вдоль рядов, девушки склонились над зачищенными отрезками оптоволокна, но не удержались, взглянули друг на друга. Люська выразительно закатила глаза, Аня беззвучно засмеялась.

Вместо чая вышли на улицу подышать. Шалунья прихватила пузырь газировки. Прогуливались вдоль пахнувшего свежесрезанной травой газона, задирали головы, подставляя лица августовскому ласковому солнцу. Люся смогла, наконец, выложить подробности отпускных приключений: сначала ей понравился Марат – парень из соседнего блока. С помощью своих нехитрых приёмчиков Шалость соединила две компании, а потом подтянула и третью, уже не помнила по какой причине. В результате размеренная жизнь отдыхающих превратилась в коллективные посиделки и прогулки, сопровождаемые непрекращающимся хохотом. Марат чем-то провинился, Люся переключилась на его друга, но тот оказался с девушкой, короче, случился облом. Уже хотела кинуть всех и найти приключения на стороне, однако двоюродная сестрица, с которой Шалунья и поехала на море, запала на друга того друга и умоляла не бросать налаженное времяпрепровождение.

– Не, ну ты представляешь? Эта «калоша» набрала с собой

книжек, собиралась читать на пляже, а теперь во вкус вошла, подавай ей песни и пляски!

– Так и ты не скучала, – Аня потянулась за газировкой, – не поверю, если скажешь...

– Зачем же мне тебя обманывать, – засмеялась подруга, – клеился ко мне один. Фома зовут. Но он так... невзрачный и серьёзный слишком. Хотя с нами ржал не меньше других.

– И-и-и?

– Номер телефона спрашивал, я не сказала, – Шалость на миг посерьёзнела, но тут же затеребила Анюту: – Надо было с нами ехать! Вечно со своим таскаешься отдыхать, а тут столько парней интересных, хоть ненадолго отвлечься, – Люся вернулась к излюбленной теме: – Как там Вадик? Не разродился кольцом?

Анюта скривила рот и дёрнула плечом.

– Ну-у-у? Чего ты? – настаивала подруга. – Неужто поругались?

– Не встречает меня. Звоню – игнор полный.

– А ты не звони! Вот ещё! Пусть катится.

Аня покивала, соглашаясь:

– Сегодня вместе пойдём. Ладно?

– Смотри у меня! Решилась, так держись. А то за проходной чуть увидишь его, побежишь, как на привязи.

На проходной девушек ждал сюрприз. Нет, Вадим так и не пришёл. Зато нарисовался новый Люськин знакомый на серебристом Хендай Солярис. Шалунья даже присела, когда

её окликнули.

– Фома! Глазам не верю! Ты как...

– Говорил: найду, – ответил полноватый парень с зализанными светлыми волосами и привлёк смеющуюся девушку к себе, – садись.

– Я с подружкой.

– Нет-нет, – смутилась Аня, – мне тут недалеко, добегу.

– Прошу, леди, – распахнул перед ней заднюю дверцу автомобиля Люськин ухажёр, – нам не жалко.

Кузница забралась в салон и не удержалась – глянула туда, где обычно ждал её Вадим. Так и не пришёл? Эх, зачем она его не слушала тогда? В самом деле на обследование лёг? Почему тогда не звонит? Не должны телефоны-то отбирать. Видно, крепко обиделся.

За окошком автомобиля проплывали тусклые фонари, мелькали раскачиваемые ветром деревья и редкие прохожие. Аня размышляла о том, как ей теперь добираться домой после второй смены, нельзя же злоупотреблять добротой Фомы, который пообещал заскакать за девочками каждый вечер. Он ведь за Шалуньей, а Аня лишняя. Новоиспечённая парочка ворковала, а Кузница чувствовала себя премьерко. Хоть её дом недалеко – высадят и поедут одни, но всё-таки одалживаться каждый вечер Анна не собиралась. Придётся отцу заезжать за ней после второй смены – повторять эксперимент с путешествием сквозь собачий строй не стоило. Представилась реакция мамы, как она начнёт рас-

суждать об Анютиной беспомощности и неумении «удержать мужика». И будет права. Не сумела удержать Вадима. Не сумела.

Результатом недельных терзаний стал звонок на домашний телефон его мамы. Надо расставить точки над Ё, как говорит Люськин дружок Фома. Аня всё ещё надеялась, что недоразумение разрешится и они с Вадимом останутся парой. Пусть неофициально, пусть урывками, но так, чтобы он был рядом, не важно – в реальности, мысленно или в ожиданиях. Лишь бы считался её другом. Не права Шалунья – даже рассорившись со своим парнем, Аня не почувствовала себя свободной, и других соискателей её руки пока не наблюдалось.

Родители уехали на дачу ночевать, Аня заявила, что ей хватило прошлых выходных, так что побудет дома. Как только дверь за матерью закрылась, подошла к телефону. Аня раньше не звонила на этот номер, но помнила: цифры совпадали с годом её рождения. Вадим радовался этому факту по-детски. Говорил – судьба. Хотя, какая тут судьба? Полным-полно девушек, Анютиных ровесниц.

Трубку взяли сразу. На том конце провода прозвучал женский голос:

– Да... Кто?

– Здравствуйте, можно Вадима? – сказала Аня и услышала всхлипывания.

– Анечка? Это ты?

– Да. Вы – мама Вадика?

Они никогда не встречались, но девушке отчётливо представилась нестарая ещё женщина с седеющими, собранными в пучок волосами и заплаканным лицом.

– Ты не знаешь, деточка?

– Что? Он в больнице? Вадик говорил про обследование...

– Поздно. Слишком поздно, – женщина уже не могла сдерживать рыдания. – Вадик умер в позапрошлую пятницу.

– Как?! – Аня с трудом выговаривала слова, чуть шевеля непослушными губами: – Я видела его... то есть, во сколько он умер?

Услышав ответ, продолжала спорить:

– Я тогда получила эсэмэс от него. У меня сохранилось...

– Шла операция, не мог Вадюша послать тебе сообщение, был под наркозом. Это кто-то другой. Анечка, прости, я не в состоянии говорить...

– Конечно, – ответила Аня и долго слушала гудки в трубке. С каждым гудком уходила уверенность, что мама Вадика непостижимо ошиблась, он жив, в ту пятницу провожал Аню после работы, прогнал напавших на неё собак, бежал за ней, напуганной до полусмерти, и послал эсэмэску.

Эсэмэс! Девушка открыла перечень полученных сообщений. Вот! Как же? Мать говорит, что в это время Вадиму делали операцию...

Два дня рыдала. Слонялась по квартире, переводя салфетки пачку за пачкой. Скоро глаза стали краснее свёклы, а из мусорного ведра вываливались скомканные бумажные комочки. Девушка кляла себя за чёрствость и глупость. Отравила последнюю встречу с любимым претензиями и упрёками. Вадик нуждался в поддержке! Чувствовал, что расстаются на веки. Снова и снова Аня восстанавливала в голове события позапрошлого четверга. Вадим прощался, а она не слушала, занятая глупыми обидами. Вот бы вернуть тот вечер! Вот бы уговорить, упросить, добиться позволения присутствовать в больнице. Не хотел волновать, сказал, что обследуется. Или сам боялся операции. Теперь Анне предстоит терзаться чувством непрощенного предательства целую жизнь.

Шалунья выслушала исповедь подруги с непривычно серьёзным лицом.

– Да-а-а, – протянула тоскливым голосом и бодрее добавила: – Так и знала, что он больной. Хорошо ещё ты замуж не успела выскочить, а то стала бы в двадцать семь лет вдовой. Чего хорошего!

– Люся! – выкрикнула Аня. – Как ты можешь!

На них оглянулись женщины, сидевшие на скамейке неподалёку, и мужчины, которые курили, столпившись вокруг

урны. Десятиминутный перерыв заканчивался, надо было возвращаться в цех. Девушки стояли, смотрели друг на друга, не замечая спешивших мимо сотрудников.

– Я, – развела руки Шалунья, – операцию твоему Вадику не делала. А что не нужно с ним мутить, с самого начала говорила. Да ты не слушала.

Аня задумалась, позабыв о подруге. Почему он не хотел видеть Анюту в больнице? Как так получилось, что на похороны не позвали? Ведь мать сразу догадалась, кто звонит, знала о любимой девушке сына.

– Пойдём-пойдём, – тянула за локоть Люся, – этот козёл Митька оштрафует чего доброго.

Ну вот, уже и козёл – мысленно усмехнулась Аня, а давно ли подружка рассматривала мастера как неплохую кандидатуру на роль бой-френда?

Тень между девушками всё-таки пролегла. Кузница не то чтобы дулась, но решила больше с Шалунией переживаниями не делиться. В конце концов, у той всё складывалось как нельзя лучше – зачем портить человеку счастливые дни, не так уж их много в жизни выпадает. Аня углубилась в работу, демонстративно воткнув наушники. Люся толкала речи, веселя сотрудниц – за глаза называла их тётками, но это не мешало ей слыть всеобщей любимицей. Развлечь публику Шалость умела. Поднялся хохот, Кедров раз пять выглядывал из своего «аквариума». Стихали на полминуты, но Шалунья отпускала очередную шуточку – и половина цеха по-

катывалась со смеху.

– Ох, уволит тебя Митька, – еле переводя дыхание, говорила Люськина соседка, – как пить дать уволит. Никакой управы на тебя нет.

– Да пусть увольняет, – бравировала Шалунья, – видала я эту каторгу. Знают только расценки снижать да норму повышать. Я вообще скоро замуж выйду. Вот.

До Ани Люськины слова дошли. Музыка не так громко играла. Слышала, но виду не подала. Надо же, подруга такую новость не сообщила. Видно, так Аня залипла в своих комплексах, что Шалость не стала лишней раз дразнить. Она вообразила, что подруга завидовать станет? Аня копалась в себе и не обнаруживала радость за Люськину счастливую судьбу. Умом понимала, что надо радоваться, а в сердце зияла пустота. Ничего лучше не придумала, как улизнуть пораньше. Минут за пятнадцать до звонка убрала рабочее место и пошла переодеваться. Мастера встретила в коридоре.

– Митя, у меня голова гудит. Отпустишь?

Кедров кивнул, пробубнив не то до свидания, не то выздоравливай. Аня упорхнула в раздевалку. Шагая через порог, краем глаза заметила, как мастер провожает её внимательным взглядом. Даже перед зеркалом повертелась, изучая, что бы его могло заинтересовать. Всё вроде как надо: защитный костюмчик наглажен, накрахмален, не наизнанку и пятен нигде нет. Прошлась щёткой с длинной ручкой по ткани, стряхивая воткнувшиеся осколки, выпятила грудь, хоть

и небольшую, но высокую, красивой формы, стянула ткань костюма на талии, цокнула языком. Да, права Шалость, вдовой рановато становится.

На краю зеркала мелькнула тень, будто мужчина стоит у противоположной стены. Кто это вломился в женскую раздевалку? обернулась. Никого. Прошла вдоль рядов шкафчиков. Пусто. Мерещится, что ли? Пожала плечами, взялась за привычные джинсы и джемпер – на улице холодало. Осень ещё не заявила о себе, но и летом уже не пахло.

Люська догнала у гаражей.

– Чего сбежала? – спросила, часто дыша. – Смотрю – нет тебя. Митя сказал: отпросилась. Ну, я следом.

– Голова, – поморщилась Кузницина и провела ладонью по виску, – надоело всё.

– А мне-то как... – поддержала подруга, – Фома в командировку умотал, так что я пешочком, ты уж не бросай.

– Не знала.

– В выходные у него день рождения. Будем отмечать. Ты приглашена.

– Знаешь, не до праздников мне. Только с парнем...

Она хотела сказать: рассталась, но вспомнила, что на похоронах не была – не сообщили. Стало ещё муторней на душе.

– Ну уж нет! Не дам тебе сохнуть. Вадика твоего не вернёшь. Что, монашкой теперь запишешься? Вряд ли он одобрит.

Люськины аргументы не действовали, Аня мотала головой.

– Подруга! Посидим тихо-скромно, никакого разгула. А? Без тебя никак! Честное слово, мне боязно.

– С чего это?

Люська рассмеялась, ткнулась лбом в Анютино плечо:

– У Фомы много холостых друзей.

– Таких же, как он?

Шалунья помолчала, взглядываясь в лицо Кузнициной, потом холодно поинтересовалась:

– Что тебе не нравится?

– Всё нравится. Я приду.

– Синенькое надень, то, что на новый год купила. Очень тебе идёт. Только надо украшения грамотно подобрать.

Аня кивнула. Дома две большие шкатулки качественной бижутерии, придётся поклянчить. Мама – Валерия Павловна – имела непреодолимую страсть к побрякушкам.

Мать с воодушевлением откликнулась на просьбу, выдала комплект: длинные серьги, подвеску и браслет. Тёмно-синие камни классно сочетались с Анютиным нарядом и чудесным образом изменили цвет глаз, казавшийся теперь ярко-голубым.

– Красавица! – приговаривала Валерия Павловна, укладывая дочери волосы. – Зря не послушала, надо было в парикмахерскую сходить. Да и к визажисту. Денег я бы дала.

– Так нормально.

Умеренный макияж смотрелся естественно и подчёркивал достоинства девушки, а высокая причёска, открывшая длинную тонкую шею и уши с великолепными серьгами, делала Аню похожей на августейшую особу.

Перед выходом, бросая последний взгляд в зеркало, Аня вздохнула: для Вадима никогда так не наряжалась. Он любил её такой, какой она и была – в повседневных шмотках, небрежно причёсанную, без туши на ресницах, без румян на скулах. Что ж, это в прошлом.

Когда автомобиль затормозил у ресторана «Принц», Аня хмыкнула. Фома выбрался наружу, чтобы открыть девушкам двери, а Люська обернулась:

– Ты чего?

– Так, название многообещающее.

– Не кисни тут. Ребят надо повеселить.

– Ты и одна справишься, – сказала себе под нос Аня, но подруга не услышала.

Шалунья мгновенно вошла в режим, который сама называла «весь вечер на манеже». За сдвинутыми столиками было шесть человек: именинник, Люся, Анюта, сестра Фомы Вера и два его друга Сергей и Саша. Один из друзей, который предназначался Ане, глаз не сводил с Шалуньи, громко хохоча над её шутками и отпуская свои довольно смешные остроу- ты. Второй молодой человек почти сразу пригласил на танец Веру. Возвращались они ненадолго, поддерживали очередной тост и опять уходили в толпу. Ане пришлось наблюдать

за страстями, разгоравшимися внутри неожиданно возникшего треугольника. Фома заметно ревновал, Люська веселилась, Сергей распускал невидимый павлиний хвост, совершенно не замечая злости друга и скучающего вида соседки.

Кузница тянула коктейль, поглядывая из-под ресниц то на раскрасневшееся лицо Фомы, то на сверкавшие белизной Люськины зубы, то на танцующих. Мысли шевелились вяло. В принципе, всё классно. Тепло, светло, хорошее вино, шикарные закуски, неплохая музыка.

– Вы позволите?

У Ани марашки пробежали по коже от красивого низкого тембра, она оглянулась. Рядом стоял высокий брюнет в дорогом тёмно-синем костюме. Его чёрные глаза были направлены на Сергея:

– Могу я пригласить вашу даму на тур вальса?

Все трое – Сергей, Фома и Люся – застыли с раскрытыми ртами. Первым включился именинник:

– Как девушке угодно.

Аня чувствовала себя зачарованной, она медленно поднялась из-за стола, не замечая, как отъезжает отодвигаемый незнакомцем стул, подала руку и поплыла с эффектным партнёром, будто знаменитая голливудская актриса в роли королевы.

Бойкая музыка не подходила для вальса, но кавалер умело вёл Аниуту в несколько замедленном темпе, они гармонично вписывались в едва угадываемую мелодию. Толпа рассту-

пилась, освобождая центр зала для загадочной пары. Рука мужчины, крепко держала за талию, вторая приподняла руку партнёрши и едва заметно подсказывала направление следующего па. Кузница не училась танцевать, если не считать вальса на выпускном в школе, но и это давно забылось. Однако в объятиях незнакомца чувствовала себя уверенно. Ноги переступали независимо, не приходилось прикладывать усилий – всё происходило само собой, естественно и красиво.

Музыка стихла, раздались аплодисменты. Аня обвела взглядом улыбавшиеся лица хлопавших в ладони зрителей, грациозно присела, ощущая, как партнёр, не отпуская её руку, делает лёгкий поклон. Под звуки следующего трека они пошли к столикам. Незнакомец, проводив, наклонился к уху девушки и, едва не коснувшись губами раскачивающейся серьги, шепнул:

– Вы удивительная. Одно удовольствие танцевать с вами.

Отодвинут и придвинут стул, Аня снова сидит за столом, по-прежнему чувствуя себя исполнительницей чужой роли. Сердце трепетало мелко и часто. Глаза всех за столом – Вера и Саша тоже вернулись – устремлены на неё.

– Бли-и-ин, Кузя, – заговорила, наконец, Шалунья, – так клёво танцуешь!

– Выпьем за Аню! – взял бокал Сергей.

– За Аню, Веру и Людмилу, – вмешался Фома, – за наших прекрасных дам!

– Стоя! – громыхнув упавшим стулом, поднялся Саша.

После тоста Аня убежала «пудрить носик». Хотелось побыть одной. В груди штормили неугомонные чувства. Кузница постояла перед зеркалом, пригладила волосы, спрятав выбившийся локон, промокнула салфеткой пот у крыльев носа и в ямочке подбородка.

– Что это было? – спросила своё отражение.

В сумочке звякнул телефон, Аня вздрогнула. Мама беспокоится? Но ещё не так поздно. Достала мобильный и едва не закричала – сообщение от Вадима!

Дрожащими пальцами нажала кнопку и прочла: «Не уходи с ним. Опасный тип». Вадик здесь? Он жив? Выскочила из дамской комнаты, пробежала в зал и застыла, осматриваясь. Вот он! Точно, он! У самого выхода мелькнул знакомый силуэт. Аня, расталкивая веселившихся людей, метнулась к дверям. Приходилось подниматься на носочки, чтобы не упустить Вадима. С каждым шагом девушка всё больше утверждалась в мысли, что это Вадик. Но, добравшись до места, не обнаружила никого, кто хоть отдалённо напоминал бы его.

Улица встретила студёным дуновением ветра, следы слёз холодили щёки.

– Вадик, Вадик, – шептала Анюта, – я видела тебя, не прячься!

– Вы замёрзните, – послышался за спиной уже знакомый вкрадчивый бас.

Кузница резко обернулась. Губы незнакомца были растянуты в приятной улыбке, но чёрные глаза оставались холодными:

– Если позволите, я отвезу вас.

Как бы она хотела, чтобы уверенные руки снова обняли за талию и повели вдаль, во тьму, в пустоту. Как тянуло уткнуться лицом в грудь и кивать, кивать, соглашаясь. Аня шагнула, но замерла. Сознание обожгла мысль об эсэмэске, которую прочла две минуты назад. О чём предупреждал Вадим?

– Мы совсем не знакомы, – через силу проговорила девушка.

– Это легко поправить, – уже веселее улыбнулся брюнет и поклонился, – Стас.

– Анна.

Мужчина выудил из нагрудного кармана айфон и склонился к Аняте:

– Рискнёте сообщить свой номер?

Аня, едва сдерживая участившееся дыхание, продиктовала цифры и, делая усилие над собой, отступила:

– Мне нужно возвращаться.

– Я позвоню. Завтра, – раздалось за спиной, когда Кузница шагнула к дверям.

Её ждали. Теперь внимание Саши и Серёжи принадлежало исключительно Аняте. Даже Фома рассеянно слушал Люську, с беспечной улыбкой наблюдая за Кузницей. Ока-

залось, что та умеет поддерживать беседу и отпускать шуточные комментарии ничуть не хуже подруги. Шалость приняла это спокойно. Переключилась на Веру, расспрашивая её о брате, родителях и других родственниках. К концу вечера девушки стали подружками.

Улучив момент, Шалунья потянула Аню в туалет, ей не терпелось расспросить о впечатлениях.

– Ну-у-у? – спросила, весело подмигивая. – Кто из них тебе понравился?

Анюта едва не брякнула, что видела Вадима и получила от него сообщение, но сдержалась: уже давала себе слово не трогать раздражающую Люську тему.

– Этот? Высокий? Вы познакомились? – теребила подружку Шалунья.

– Взял мой номер телефона, – призналась Аня, – пойдём, ребята ждут. Серёжа тоже вполне себе ничего.

– Ничего, – передразнила Шалость, выходя следом за Аней, – знаешь, какая у него зарплата? И перспектив гора!

Кузница не слушала. В ней боролись два чувства: щебечущее, пахнущее риском влечение к Стасу и тёплая, переполненная благодарностью тяга к Вадиму.

Хендай Фомы подогнал нанятый водитель. Ане пришлось сесть спереди. На заднем сидении расположились и славно щебетали Фома и Люська. Кузница, как самая трезвая, объяснила, куда её отвезти, адрес хозяина водила знал. Простились формально – влюблённым было уже не до подружки.

Заходила в квартиру, крадучись, старалась не разбудить родителей. Но мама не спала. Едва Аня успела стянуть платье, как в ванную поскреблись:

– Нюра, ты как?

– Норм, мамуля. Спи.

– Открой.

– Ну, чего? – Аня сдвинула щеколду и смотрела на взволнованное лицо матери, механично удаляя макияж ватным диском, смоченным косметическим молочком.

Мать постояла на пороге, вздохнула и пошла к себе.

– Спасибо за украшения, – крикнула ей в спину Аня.

Валерия Павловна махнула рукой.

– Умывайся, завтра расскажешь.

«А что, собственно, рассказывать? – размышляла Аня. – О Сергее, который поначалу увивался за девушкой друга? О Стасе? Ещё неизвестно позвонит ли, как обещал. О Вадиме? Жив или нет? Померещилось или всё-таки был в ресторане?»

Засыпая, твёрдо решила разыскать маму Вадима и выяснить у неё, что на самом деле случилось. Если Вадим умер, то пусть она покажет могилу.

Аня слышала сквозь сон, как родители собирались на работу. Не стала подниматься, мысленно ликуя от того, что незачем рано вставать. Есть преимущества у второй смены.

Валерия Павловна недовольно высказалась о безалаберности дочери – нельзя так бросать нарядное платье и укра-

шениям не место на полочке в ванной! Анята лишь крепче зажмурилась.

Хлопнула входная дверь, воцарилась тишина, нарушаемая сонным жужжанием запоздалой, отогретой лучами утреннего солнца мухой. Анята потянулась, зевнула и, боясь лишний раз тряхнуть головой, встала. Воду налила из фильтра – безвкусную, прохладную. С наслаждением выпила. Пошла искать мобильник. Крепла уверенность, что вчерашнее сообщение от Вадима пригрезилось. Нет. Вот оно. Перечитала несколько раз. Кто посылает эсэмэски с номера умершего парня? Или всё-таки Вадик жив? Почему тогда он запретил Ане уходить со Стасом? Как будто она без надзора бросилась бы в объятия, отключив мозги! Напряглась, припоминая вчерашние ощущения.

Правила приличия, да что там правила, элементарная осторожность не позволяла доверять пусть и симпатичному, но незнакомому человеку. Но... Анята старалась быть честной сама перед собой: состояние у неё вчера было необъяснимое, точно Стас опоил чем-то. Не то, чтобы дурман, скорее – гипноз.

Отмахнулась. Парень как парень! Танцует круто, вежливый, элегантный. Странно даже, почему пригласил на танец Анну – не самую эффектную девушку из тех, что были в ресторане. Слова сказал приятные: не комплимент даже, признание. Несмотря на нескончаемые рассуждения, Анята успела прибраться дома, чтобы мама не выговаривала за

неряшливость, и привести себя в норму, при этом не опоздала на работу. В раздевалке задержалась – тормозила – в цех заходила последней. Заметила около Шалуни группку «тёток» с раскрытыми ртами и вздёрнутыми бровями. Увидев входящую Кузницу, Люська на миг замолчала, и громче прежнего продолжила:

– Ну вот я и говорю, чем больше дыр на джинсах, тем они дороже...

Сотрудницы заулыбались, закивали и потянулись к рабочим местам:

– Ладно, в другой раз расскажешь.

– Пора приступать.

– Девочки, за работу!

Раскрасневшаяся Шалость покусала губу и подошла-таки к подруге.

– Не думай, я не...

– Люсь, поможешь?

Аня ничуть не сомневалась, что Люська трепалась о том, как они провели вчерашний вечер, и главной темой стал Анютин вальс. Догадку подтверждали взгляды женщин, их перемигивания и пожимания плечами. Да уж, трудно поверить, что «гордячка» Кузница способна на нечто подобное.

– Чем помочь? – с готовностью отозвалась Шалость, но заметила входящего в цех мастера и скороговоркой добавила: – В перерыв побазарим.

Через секунду Шалуныя сидела за своим столом, однако взгляд, как и все работницы, устремила на входящих.

Если бы не сопровождавший гостя Митя в неизменных просторных джинсах и клетчатой рубаше, Аня бы показала, что они находятся на модном показе. По правую руку от мастера вышагивал долговязый, худой, как клюшка для гольфа, парень. На вид ему было не больше шестнадцати. Десятиклассник, если б не безупречно сидящий костюм и асимметричная стрижка, которая смотрелась вычурно. Мама таких парней называла «из будущей коллекции». Лицо незнакомца с правильными чертами выглядело бы симпатичным, но высокомерное, чуть ли не брезгливое выражение, делало его отталкивающим.

Аня занялась ответвителем: зачистила волокно, протёрла спиртовой салфеткой, сделала скол и замерла. Мужчины остановились рядом с ней.

– Кузницина. О ней говорил начальник цеха, – подал голос Митя.

Ответа не последовало.

Аня занялась следующим волокном, но делала всё в замедленном темпе, мешало напряжение. Хотелось обернуться и сказать: не стойте над душой. Позади было тихо – ни шевеления, ни дыхания. Аня сосредоточилась, делая отработанные до автоматизма операции. Отложила заготовку, принялась за следующую. Тут её обдало удивительно приятным ароматом – парфюм незнакомца был не только изыс-

канным, но и удивительно шёл к нему. Парень наклонился и сказал на ухо:

– Не устаёте? Такая кропотливая работа!

Аня скосила глаза. Увидела гладковыбритую бледную щеку и розовые, будто очерченные обводкой губы. Ответить она не сумела. Ком в горле застрял. Не получалось ни проглотить, ни выдохнуть его.

– Анна работает давно, пришла сразу после техникума, – выручил её Митя, – навыки крепкие, брака почти не делает.

Волна парфюма отхлынула, незнакомец выпрямился:

– Надеюсь, в скором времени вы найдёте более достойное занятие.

Мужчины направились вдоль рядов, но Аня расслышала сказанную мастером фразу:

– Что вы, Геннадий Аркадьевич, найти работу с достойной зарплатой у нас в городе нереально. Я бы мог предложить Кузнициной перейти в экспериментальную лабораторию, но там в основном мужчины. Женские руки нужны здесь.

Так вот это кто! Сын генерального. Что он забыл в НПО? В Англии учился, работал в Германии, теперь потянуло к родным просторам? Сын хозяина плыл по цеху, глядя поверх голов. Даже у Шалуны не задержался, хотя Люська вертелась как ужаленная.

Проводив гостя, Митя вернулся и грозно оглядел шушукавшихся женщин. Все склонились над работой. Еле дождалась перерыва. В чайной комнате поднялся такой гвалт, что

Анюта не выдержала – налила в бокал кипятка, бросила первый попавшийся пакетик и вышла в холл, где скучал охранник. Тот облокотился на хромированную трубу ограждения и приветливо обратился к Анюте:

– Что? Расшевелил сынуля наш муравейник?

Кузница кивнула и сделала глоток. Чай оказался жасминовым. Из бокала потянуло горячим душистым парком. Вспомнила июнь, дачу, солнечное утро. Аня пошла вдоль стены, разглядывая развешанные там фото-свидетельства производственных успехов НПО.

– Кузя, – голосок подруги, – чего сбежала? Мы же собирались обсудить что-то важное.

Шалуныя догнала Аню и хихикнула:

– Ой, не могу! Тётки наши совсем сбрендили! Говорят, Геннадий приехал жену выбирать. Представляешь? А ведь к тебе подошёл, больше ни к кому!

– Люсь, кем твой Фома работает?

Шалость отхлебнула кофе, поставила чашку на стол с буклетами, туда же положила поломанную на дольки шоколадку.

– Угощайся, – пожевала, помолчала и спросила: – Зачем тебе?

– Он нашёл тебя как-то. Ты же не оставляла ни адреса, ни телефона... Может, у него связи в органах?

– Кого хочешь найти? Этого, вчерашнего? – Шалость закатила глаза и принялась увещевать подругу: – Кузя, как хочешь, тот красавчик не про тебя. Ты, как причепуришься,

ничего себе, но...

– Нужен адрес матери Вадима.

– Это ещё зачем?

Да, заводить разговор с подругой о Вадиме не стоило. Люська чуть не захлебнулась от возмущения.

– Сколько можно! Да отпусти ты его! Вон, Серёга на тебя всерьёз запал. Чем не кадр? Только и знаешь, что Вадим да Вадим. Помер. Всё. Хватит!

– Пожалуйста, попроси Фому, Люсечка!

– Ладно, – остыла Шалунья, – что ты о ней знаешь? Год рождения, имя-отчество...

– Только домашний телефон. И фамилию. Я сама пробовала по номеру телефона, но сейчас таких справок не дают. Сколько ни пыталась звонить, никто трубку не берёт. Поеду, хоть письмо оставлю, или через соседей...

Шалость протянула свой смартфон:

– Забей фамилию и номер. Я отправлю Фоме.

– Девчата! – крикнул охранник. – Пора!

Подруги побежали в чайную, чтобы отнести бокалы. По пути Люська успела послать воздушный поцелуйчик предудившему их мужчине.

После смены Люськин хахаль, как водится, встречал девушек на проходной. Накрапывал дождик. Анята торопливо свернула зонт и уселась в машину.

– Здравствуй, Фома! – не удержалась, спросила: – Получилось?

Сразу почувствовала себя лишней – между влюблёнными происходил немой диалог. Парень был чем-то недоволен, взгляд Шалуны стал умоляющим. Тронулись. Аня ждала. Чего он молчит? Не узнал, так и сказал бы – не удалось, или позже. Надо же хоть что-то ответить. Волнение нарастало. Тишина становилась гнетущей.

– Я только спросить её хочу, – оправдывалась Кузница, – что за сложности, не понимаю. Странно, конечно, что я с парнем общалась целый год, но так и не познакомилась с его матерью...

Закрыла рот ладонью. Что это её понесло? Так ненароком Фому можно задеть. Что, если он Люську не собирается знакомить с родителями? Хотя, сестре-то представил. Нет, не должен обидеться. На Аню навалилась горечь: как же так, ведь и не задавалась вопросами, встречались они с Вадимом где угодно, только не дома: ни у неё не бывали – он отказывался заходить, ни у него. Путешествовали. В отпуск далеко уезжали, в выходные по Подмоскovie и ближайшим областям. Вадик, будто знал, что умрёт, старался как можно больше увидеть.

Анюта уставилась в окно. За мокрым стеклом мелькали отражающие свет фонарей лужи, брызгами разлетающиеся из-под колёс. Вспомнилось море, прибой, чистота, солёный воздух, прозрачный свет... Прошлым летом они с Вадиком отдыхали в Сочи. Как было хорошо! А в этом году её не отпустили, отпуск по графику пришёлся на октябрь. Прав хо-

зыйский сынуля – не работа, а повинность какая-то. Пашешь, пашешь и даже отдохнуть не всегда можешь, как хочется.

Затормозили у арки. Аня потянула ручку двери, но замерла, услышав обращённые к Шалуные слова Фомы:

– Люда, из бардачка записку отдай Ане.

Напряжённость между влюблёнными сохранялась. Что такое случилось? О серьёзном Люська бы проболталась, не в её характере таиться. Не понятно, чем веселушка так досадила парню, что он и не глядит на неё всю дорогу.

Получив листок с адресом, Аня отбросила надоедливые загадки, поблагодарила Фому и вышла из автомобиля. Хендай мигнул поворотником, уехал. Аня, не раскрывая зонтика, сжала в руке бумагу и поспешила во двор. Скорее домой, прочесть.

Валерия Павловна выглядела довольной. Встретила дочь в прихожей.

– Сырничков? Исхудала совсем.

– Ма, я вчера так накушалась в ресторане, что неделю надо на диете сидеть. Потом, ты же знаешь, я по ночам не ем.

– Один хотя бы, – беря из рук Анянты зонт, настаивала мать, – зонтик сухой почти, а дождь за окном. Как тебе удалось?

– Фома подвёз. Ладно, один съем.

– Со сметаной и ягодами.

Валерия Павловна заторопилась на кухню. Забота об осунувшейся дочке была прикрытием. Женщине не терпелось

расспросить о вчерашнем празднике. Аня задержалась в коридоре, развернула записку, прочла адрес и попробовала на вкус имя несостоявшейся свекрови: Зоя Ефимовна. Не удобное.

Зоя Ефимовна

Нужно было позвонить, прежде чем идти в дом к мало-знакомому человеку. Аня не смогла себя заставить. Подходила к телефону, брала трубку и даже набирала цифры номера. Указательный палец левой руки каждый раз нажимал рычажок. Девушка смотрела на него с укоризной, но переубедить упряма не могла. После трёх неудачных попыток нашла оправдание: мама Вадика наверняка работает, беспокоить её рано утром, да и поздно вечером, когда сама Аня возвращается после смены, неловко. Значит, придётся ждать субботы.

Оставшиеся дни Кузница была задумчивой, если не сказать угрюмой. Тётушки решили, что неразлучные подружки в соре. Шалость тоже вела себя необычно, вид имела виноватый и, продолжая трезвонить обо всём, старательно обходила темы, касавшиеся Кузи.

Долгожданное субботнее утро приветствовало Анюту проливным дождём. Валерия Павловна, когда дочь после завтрака засобиралась на улицу, активно протестовала: не хватало «для полного счастья» простудиться!

– Навещу одного человека, – отвечала Аня, разыскивая в дальних уголках обувного шкафа непромокаемые ботинки.

– Какого ещё человека?

– Маму Вадика.

– За каким...

Анюта выпрямилась и, потрясая найденным ботинком, перебила мать:

– Почему я должна отчитываться? Не надоело меня контролировать?

– Что за тон? – возмутилась Валерия Павловна и крикнула мужу: – Паша! Ты только послушай, как она со мной разговаривает! – и добавила в спину склонившейся к глубинам шкафа дочери: – Как тебя не контролировать? Даже обувь на лето не можешь убрать, как следует, вечно приходится на карачках ползать, чтобы найти пару.

Анюта добыла, наконец, второй ботинок, торопливо обулась и, схватив зонт, выскочила на площадку.

– Иди-иди! Вот ждут тебя там! – шумела вслед ей Валерия Павловна. Закрыла дверь и добавила, глядя в зеркало: – О похоронах даже не сообщили, а ведь чуть не женой себя числила. Разве так строят отношения?

Ане пришлось взять такси. Мокнуть, шагая под холодными струями сентябрьского ливня – не лучшая альтернатива субботней уборке, которую обычно затевали в доме Кузнециных.

Спохватилась уже на крыльце кирпичной девятиэтажки: не позвонила Зое Ефимовне, чтобы договориться. Повертела в руках мобильный, размышляя: набрать или не набирать. Решилась идти без звонка. Что, в конце концов, может случиться? Производить приятное впечатление на незнакомую

женщину незачем: Вадик либо умер, либо отказался от бывшей пассии. Трудно сказать, какой вариант Аня предпочла бы.

Звонок тренькнул переливчатой мелодией. Анюта, склонилась к двери, прислушиваясь. Тихо. Вот ведь глупыха! Надо было в такую погоду переться на другой конец города, чтобы пробой поцеловать! Мало ли куда женщина может отправиться в выходной день! Вряд ли на кладбище – слишком сыро – в магазин, например!

На всякий случай ещё разок позвонила. Уже собиралась идти к лифту, как услышала шаги за дверью и хрипловатый голос:

– Кто это?

– Аня, – после паузы ответила девушка, – откройте, Зоя Ефимовна, пожалуйста.

Щёлкнул замок, дверь стремительно распахнулась. Мама Вадика оказалась в точности такой, какой и представляла её Аня – невысокого роста, полновата, волосы тёмно-русые с ниточками седины собраны в пучок на затылке.

– Проходи, детка. Давно трезвонишь? На лоджии была, лук раскладывала. Там звонка не слышно.

– Простите, что без предупреждения. На неделе не могла дозвониться, а сегодня...

– Пустое. Не разувайся, я ещё не прибиралась. Иди на кухню, чаю попьём.

Аню знобило, она сидела в тесном углу, обхватив чашку

ладонями. Безуспешно пытаюсь справиться с нервной дрожью, задала-таки волнующий вопрос:

– Зоя Ефимовна, скажите, где могила Вадика.

– Могила? – Голос женщины показался Ане испуганным. – Видишь ли, деточка. Я собираюсь хоронить сына на родине. Урна с прахом там, в зале. Хочешь посмотреть?

– Урна? Его сожгли? – возмущённо воскликнула Анна.

– Как прикажешь везти? Урну удобнее, – Зоя Ефимовна совладала с эмоциями, в голосе угадывались учительские нотки. Вадим говорил, что мать преподаёт историю в гимназии. – На Урале похороню Вадима. Рядом с отцом. Вряд ли ты доберёшься до его могилы, так что не обижайся.

– Но почему не здесь?

Женщина коснулась идеально уложенных волос, сдвинула в сторону нетронутый чай и поведала гостье историю их переселения в Подмосковье.

Болезнь Вадима была наследственной. Его отец умер, когда мальчику было два года. Зоя Ефимовна тянула ребёнка одна, получая мизерную поддержку от государства. В середине девяностых начались сложности. Зарплату бюджетникам задерживали, устроиться на другую работу в их городке не получалось. Тогда Зоя Ефимовна решила ехать в Москву. Хотела быть рядом со столичными докторами, чтобы те наблюдали за сыном. Продав дом на родине, смогла купить лишь скромную квартиру здесь. Но всё-таки это казалось спасением. До лучших в стране клиник можно было

добраться часа за два. К несчастью, жизнь сына это продлило всего на каких-то шесть-восемь лет.

– Он любил тебя, детка, – вздохнула женщина и сделала глоток остывшего чая, – больше всего на свете Вадюша хотел создать семью. Но обречь тебя на тот путь, который прошла я, не посмел.

– Как плохо, что вы увозите его, – Анна вытерла слёзы ладонью.

– Пойми, детка, тебе он никто, даже не жених. Забудешь. Время пройдёт и забудешь. А у меня там муж, я хочу ухаживать за его могилой. Свекровь и моя мать уже совсем старухи.

– Вернётесь на Урал?

Зоя Ефимовна кивнула. Аня, чуть посомневавшись, задавала главный вопрос:

– Где мобильный телефон Вадика?

Женщина удивлённо приподняла бровь, разомкнула губы, точно хотела спросить о чём-то, но удержалась. Поднялась и достала трубку из ящика буфета.

– Зачем тебе? Он разряжен.

– А зарядка?

– Вот, – Ещё раз рука Зои Ефимовны нырнула в ящик.

Анюта поставила мобильный на зарядку и, порывшись в сумочке, достала свой. Найдя в контактах номер, нажала «вызов». Раздалась знакомая мелодия – проснулся телефон Вадима.

– Смотрю, не доверяешь мне, детка, – сказала Зинаида Ефимовна.

У Анюты похолодело в груди от строгого тона, будто её вызывают отвечать невыученный урок. Девушка, не поднимая глаз, шепнула:

– Простите. Меня беспокоит необъяснимая вещь.

Аня открыла в мобильном Вадима папку «отправленные сообщения». Тех, что получала после его смерти, не оказалось в списке.

– Вы ничего не удаляли?

Зоя Ефимовна отрицательно покачала головой:

– Не трогала с тех самых пор, как Вадюшу увезли на операцию.

Аня открыла эсэмэску, которую получила в ресторане.

– Вот, смотрите. С его номера пришло, – не дожидаясь ответа, поднялась. – Спасибо за чай и простите за беспокойство.

В прихожей, взявшись за ручку двери, спросила:

– Когда уезжаете?

– В каникулы.

– Вернётесь?

– Да. Надо дотянуть до пенсии. Там трудно устроиться на работу.

– До свидания.

– Заходи, детка.

Ливень прекратился. Аня брела, не выбирая куда ступить,

и холодная вода раза два залилась через борт высоких ботинок. Хорошо, что они были тесными, и ноги не промокли. Дома девушка закрылась в своей комнате и не отвечала на расспросы матери. Ничего не хотелось. Ни пить, ни есть, ни спать. Держала в руках давно начатую книгу, но глаза раз за разом пробегали по одной строке. Содержание ускользало.

Мысли мучительно вращались: что за игры ведёт некто незнакомый? Сообщения можно посылать с компьютера, но почему они высвечиваются, как отправленные с номера Вадима? Кому это нужно? Кто следит за жизнью Ани?

* * *

В понедельник Люся подкатила к подруге:

– Была у неё?

– У кого? – прекрасно понимая, какое любопытство разбирает Шалуню, Аня не торопилась его удовлетворить.

– У матери Вадима! У кого ещё! Кузя, имей совесть, я тебе адрес раздобыла!

Аня кивнула и только. Они сидели в уголке чайной, забытой работницами, разговаривали шёпотом, чтобы не привлекать внимания.

– Не молчи! Сказала она тебе?

– Сказала. Увезёт на Урал.

– Что увезёт?

– Прах.

– Прах? – Люся округлила глаза, потеряв возможность говорить.

– Чему ты удивляешься? – спросила Аня с жалкой улыбкой на губах. – Могила будет далеко, вряд ли доберусь туда.

– Ничего себе! Права, значит, я была. А Фома скандал устроил. Мужики! Ничего не понимают в жизни.

Кузница не слушала подругу, не до её рассуждений было. Надежда на то, что любимый человек жив, которая вопреки здравому смыслу теплилась в сердце, окончательно погасла. Шалость по-своему поняла печаль подруги.

– Забудь! Забудь о нём. Представь, какую бы ты получила свекровь, если б у вас срослось.

– Какую?

Люся сделала высокомерное лицо.

– Она не такая, – возразила Аня.

– Уверена, из-за этой Зои Ефимовны твой Вадик не повёл тебя в ЗАГС.

– Не говори, чего не знаешь. Пошли. Работать.

Едва Аня расположилась за столом, к ней подрулил Кедров. Пахнуло мужским потом. Не моется он, что ли! Кузница подалась вперёд, но Митя наклонился за ней. Хоть нос платком затыкай.

– Анна, тебя просят задержаться после смены.

Девушка кивнула, не уточняя, кто и зачем хочет с ней поговорить. Ей хотелось, чтобы мастер поскорее отошёл в сторону. Митя хмыкнул. Помычал и, наконец, двинулся вдоль

рядов. Ффу-ух. Ну и аромат! Соседка с пониманием улыбнулась:

– Мужик!

Аня не нашла ответа, хорошо, что звякнул телефон. Достала, посмотрела на экран. Сообщение от Вадима! Просто край! Не читать? Помедлив, открыла. «Не соглашайся!» Поспешно спрятала трубку и сердито прошептала:

– Ну, это уже ни в какие ворота!

Гена

После звонка все засуетились, только Кузницаина продолжала работать.

– Ты чего это? – тронула её Шалость. – Айда! Фома сегодня не заедет. Пройдёмся, потрепемся.

– Иди одна, Люся, мне надо отработать... Должна полчаса.

– Когда это успела задолжать?

– Ты в отпуске была, я отпрашивалась.

– Хочешь, с Митей поговорю? Он спишет.

– Иди, Люся!

Шалунья пожалала плечами и отправилась в раздевалку. Вместо неё в цех вломилась сменщица. Аня поспешно убрала рабочее место и скользнула к Митиному «аквариуму» После того случая, когда они с Захаровной поцапались, видеть её было выше сил.

– Кузнецова? – поднял голову Митя. Он заполнял журнал выработки.

Аня не стала поправлять, лишь спросила:

– О чём хотел поговорить?

– Не я. Переоденься и выйди на аллею. Геннадий Аркадьевич ждёт на скамейке.

– Зачем? – удивилась Аня.

– Его спрашивай, – холодным тоном ответил мастер и сно-

ва склонился над бумагами.

Выйдя из здания, Аня поёжилась. Солнце висело низко. Не грело, завораживало холодным светом. На скамейке, чуть дальше урны с окурками, сидел, вытянув длинные ноги парень, который не так давно посещал цех. Одет он на этот раз был просто: тёмно-зелёный костюм – Аня назвала бы лыжным – толстые мягкие штаны, куртка с капюшоном и трикотажными манжетами. Рядом с Геннадием стоял объёмный рюкзачок. Аня присела с другой стороны и рассматривала юное лицо с прикрытыми веками.

– Геннадий Аркадьевич, вы хотели... – начала фразу девушка.

– Давай на «ты», – сказал он, поворачиваясь, – «ты» и «Гена».

Аня нервно кивнула.

– Хочу подарить кое-что, – хозяйский наследник переставил рюкзак ближе к Аняте.

– Зачем? Не надо, – заспорила она.

– Посмотри сначала.

Аня потянула язычок «молнии», заглянула внутрь.

– Книги? Странно. Кто же дарит кучу одинаковых?

– Восемь, – Геннадий загадочно улыбнулся. – Кому дарят восемь одинаковых экземпляров?

Девушка пожала плечами, хотела подняться и уйти, но проследив за хитрым взглядом собеседника, достала книгу из рюкзака.

– Слёзы на стекле. Стихи?

Пролистая. Что-то было не так в книге. Знакомые названия. Вновь взглянула на обложку. «Анна Кузницина. Слёзы на стекле. Стихи».

– Погодите! Так это мои?

– «Гена». «Ты».

– Где ты их взял?

Аня листала книгу, не веря тому, что не спит. Твёрдая красочная обложка, качественная бумага, иллюстрации, до запятой родные строки. Геннадий рассказывал историю возникновения этого чуда.

– Мой друг – твой поклонник. По его наводке я читал страничку на «Стихи. ру».

– Я её удалила.

– Успел скопировать до этого. Хотел подарить сборник твоих стихов другу.

– Удивительно. Мне казалось, никому не интересны мои опыты. Комментариев не было совсем. А если и были, то...

– Хорошие стихи. В них искренность, которую редко встретишь. Доверительный тон. Я, когда мне плохо, читаю, сразу становится легче.

Анюта поднесла книгу к лицу, словно хотела поцеловать, но лишь вдохнула запах и замерла, закрыв глаза. Слушала повествование о том, как Гена искал автора, чтобы согласовать условия публикации. Сначала хотел издать один экземпляр, поэтому не заморачивался с авторскими правами. Раз

выложено в интернете, можно копировать, если не на продажу. Заказал художнику иллюстрации, обложку. Нашёл типографию. Там делали вёрстку и корректуру. Когда посмотрел на затраты, сообразил, что печатать одну книжку – преступление.

– Понимаешь, что одна, что десяток, разница в цене небольшая. Вот я и решил, что будет десять. Одну оставил себе, вторую подарил другу, оставшиеся предназначались автору. Но ты удалила страничку, сообщений не читала. Электронного адреса не знал. Пришлось напрячься, чтобы найти поэтессу.

– Не возьму, – очнулась Аня, – слишком дорогой подарок.

– Не подарок, – возразил Геннадий, – гонорар, если хочешь. Не артачься. Тебя подвезти?

Кузницина отрицательно покачала головой, парень взмахнул рукой и пошагал по аллейке к проходной.

– Как мне рюкзак вернуть? – крикнула вслед ему Анна, но не получила ответа.

Она прижала книгу к груди, скользнула взглядом по траве, кустам. Что это? На углу здания мужская фигура. Вадим! Она не могла обознаться, до человека было не больше двадцати метров, Аня хорошо видела знакомые черты.

– Ва-а-адик! – Девушка вскочила, бросилась туда, где стоял мужчина.

Он шагнул в сторону и скрылся за углом. Когда Аня оказалась там, никого не увидела. Глубокое дыхание холодило

горло.

Исчез. Или ей опять померещилось?

Дома, наспех пообедав, Аня спряталась в комнате. Давненько она не гуляла по интернету. Во-первых, не очень хорошо ориентировалась там, любое действие получалось с пятого, а то и с десятого захода. Помучившись минут семь, зашла-таки на сайт и восстановила страничку. Увидела сообщения, которые посылал некий «Известный Крокодил». Геня не врал. Он действительно, спрашивал позволения напечатать книгу её стихов. Затем сообщил, что готов передать восемь экземпляров, но не знает куда. В последнем сообщении значилось: «Я тебя нашёл. Кто бы мог подумать, что ты работаешь в НПО моего отца. Скоро увидимся».

Аня провела пальцами по стоящему рядом со столом рюкзаку. Книжки не оказались бы столь неожиданным сюрпризом, если бы она не заморозила страничку на «Стихире». Припомнила тот день. Домой возвращалась одна. Вадик не встречал её после первой смены, а Люська приболела. Тихий парк, шелестящие под ногами, пахнущие ладаном листья, прозрачный, поющий воздух – всё вокруг нравилось ей. Строки складывались в голове:

Осень щедро сыплет мне под ноги
Золото, как будто я – царица...

Небольшие рассказы и стихи сочиняла, сколько себя пом-

нила. Никому не рассказывала об этом. Ни в школе, где требовались рифмованные выступления на праздниках, ни в техникуме Кузница не предлагала себя, как поэта. Записывала стихи в секретные тетрадки. Первым посвятила Вадима. Просто сказала, что любит поэзию и немного сочиняет. Он и завёл для неё страничку на «Стихи. ру». Одно за другим сотни четверостиший переключались в виртуальное пространство.

Тогда, год назад, пришла Аня домой и бросилась к компьютеру – добавить свежее стихотворение. Но прежде стала читать рецензию на предыдущее. Неплохое, но... незнакомец разнёс буквально каждое слово. Придрался и к ритму, и к рифмам, и к смыслу.

Резюме было таким: вам бы не стихи сочинять, а щи варить, милочка.

Милочка в сердцах надумала удалиться. Провозилась не меньше часа, тычась во все вкладки, наконец, достигла результата. Правда, не удалила совсем, а только закрыла. На этом успокоилась. Пожалела на следующий день, однако сама восстановить страничку не смогла, а Вадима просить постеснялась. Так и забросила. Стихи по старинке записывала в блокнот. Не стала даже файл в компе открывать, всё равно потеряется.

Полистав сборник, Аня сделала селфи с книгой в руках, разместила в Фейсбуке. Кликнула на запрос. В друзья просился тот парень, с которым она танцевала в ресторане. На-

до же! Обещал позвонить, не позвонил. Зато нашёл её тут. Приняла запрос и стала просматривать фотографии Стаса.

Эффектен чертяка! Молодой человек с тёмными волосами в чёрных одеждах с надменным выражением лица был абсолютно одинаков на всех снимках. Изменялся лишь фон: грозовое небо, бушующее море, горное ущелье, зимний лес. Везде Стас был в одиночестве. Хотя, кто-то фотографировал его, значит...

– Артист?

Аня вздрогнула.

– Мама! Просила не подкрадываться!

– Не узнаю. Зарубежный? Где снимается?

– Что ты выдумываешь! Парень, с которым я познакомилась на дне рождения Фомы.

Едва Аня договорила фразу, как на экране возникло сообщение: «Встретимся?»

– Так это твой новый? – изумилась Валерия Павловна. – Слишком красив для тебя. Не соглашайся.

Аня рассердилась. Да что же это такое? Почему все указывают, что делать! Вернее, что не делать. Пальцы пробежались по клавиатуре: «С удовольствием». Клик мышки и окно свернулось. Аня скосила глаза, ожидая, когда мать выйдет из комнаты, но Валерия Павловна не спешила.

– Главное, чтобы этот не крутил тобой, как Вадим.

– Мама! Вадим не крутил. Не говори так.

– Интересно... Год встречались, а предложения так и не

сделал.

– Болел. Знал, что может умереть.

– Тем более! Зачем морочить девушке голову, если...

– Никто ничего не морочил!

Аня встала, Валерии Павловне пришлось отступить на два шага.

– Меня всё устраивало, мама! Вадик провожал после работы, не приходилось вызывать такси, напрашиваться в чужую машину или беспокоить папу!

– Папе нетрудно.

– Да ты же меня сгрызла бы за...

– Сгрызла? – побагровела Валерия Павловна. – Вот как ты заговорила! Делай, что хочешь, но помни, пока живёшь в моём доме...

Анюта вернулась за стол и, склонив голову, зарылась пальцами в волосах – зажала уши ладонями. Мать постояла, ловя ртом воздух, и выбежала из комнаты:

– Паша! Эта вертихвостка окончательно обнаглела!

Булькнуло новое сообщение. Аня посмотрела. Стас назначил место и время встречи. Девушка протяжно вздохнула и ответила согласием.

Неужели права Люська? Только Вадим покинул её, как тут же наклюнулся некто совершенно не похожий на него.

Кто он

Весь день Анята пребывала в лихорадочном состоянии. Так быстро шла домой после смены, что Люся едва поспежала за ней. Шалунья не переставала болтать и оттого задыхалась, поэтому с облегчением простилась у арки, заключив:

– Что-то не то с тобой творится, Кузя.

Аня лишь кивнула и побежала через двор.

По квартире металась, как будто пол снизу адским пламенем подогрели. Хваталась то за одно, то за другое платье, вывалила половину шкафа на спинки стульев. Стас не поделился планами, Аня не представляла, как лучше одеться. Остановилась на брючном костюме, который стодился бы и для прогулки, и для посещения праздничного мероприятия.

Покрутилась перед зеркалом, осматривая стройную фигуру, обтянутую тёмно-вишнёвой тканью. Пожалуй, белая блузка подошла бы школьнице, но не годилась для первого свидания с красавцем-мужчиной. Переделась в кремовую водолазку. Тоже не фонтан, но чуть лучше. В мамины шкапулки с украшениями не решилась залезть, оставила в ушах привычные «гвоздики», добавив подобранный к ним в пару медальон, который купила давным-давно.

На макияж и причёску времени не оставалось, заплела косу хитрым способом, как это частенько делала Люся, махнула кисточкой по ресницам, припудрилась и вздрогнула от

сигнала мобильного. Нет, это не звонок. Сама же установила будильник, чтобы не опоздать.

Спускаясь по лестнице, сумела внутренне собраться. Даже замерла на последней площадке. Что с ней? Почему волнение зашкаливает? Кто такой этот Стас? Ради кого она ведёт себя, как пустышка, трясётся от одной мысли, что ему не понравится, как она выглядит и как долго копается? В жизни такого не было. Аня постояла, опираясь на перила, набрала в грудь воздуха и сказала вслух:

– Кто бы он ни был, меня тоже не на помойке нашли. Не понравлюсь – пусть катится.

Сказанное подкрепило не хуже валерьянки, которой мать пичкала Анюту накануне экзаменов. Девушка вышла из подъезда с уверенным независимым видом.

Кавалер прибыл за ней на такси. Удивило, как он узнал адрес. Ничего не спросила, уселась на заднее сидение. Стас расположился рядом с водителем.

Ехали в Москву. Молчали. Аня думала о том, что они с Вадимом всего-то раза три брали такси, когда, путешествуя, поздно ночью добирались в аэропорт или возвращались оттуда. Чаще пользовались маршрутками. Интересно, Стас действительно денег не считает или хочет произвести впечатление? Пожалуй, первое. Что, в таком случае, её ждёт в столице?

– Можно спросить? – заговорила Аня чуть хрипло.

– Приятель пригласил на новую программу в свой клуб, –

опередил незаданный вопрос новый знакомый, – будем подмечать недочёты. Поможешь?

Стас обернулся к Ане, она съёжилась от острого взгляда. Кивнула, хотя в клубах до этих пор не бывала и не претендовала на звание эксперта.

Место оказалось шумным, мельтешащим и мигающим. В фиолетово-жёлтом освещении водолазка на теле Ани терялась, девушка с ужасом разглядела своё отражение в зеркале и поспешила застегнуть пиджак. Треугольный вырез обманно выглядел глубоким декольте.

– Не жарко? – спросил Стас насмешливым тоном.

Анна отрицательно покрутила головой. Расположились в углу, отделённом от общего зала ажурной решёткой, давшую иллюзию хоть какой-то защищённости, хотя сквозь кованые веточки и листья всё прекрасно просматривалось.

Юноша франтоватого вида принёс два фирменных коктейля, с улыбкой, не шевеля губами, пояснил:

– От заведения.

Стас кивнул, затем выудил из кармана айфон и сказал, наклоняясь к Анне:

– Важный звонок. Выйду поговорить. Не скучай, я недолго.

Безотчётно придерживая ладонью встающий горбиком лацкан, потягивала терпкий напиток через трубочку и рассматривала беснующуюся толпу. Что же это за программа? Как тут можно разобраться?

Аня не могла видеть, как её спутник прошёл через дальнюю дверь в служебные помещения и, оказавшись в бледно освещённом коридоре с кафельными стенами, растаял в воздухе.

Иная реальность. Эпизод первый

Возник он ни далеко, ни близко – вне времени и пространства. Стоял, не шевелясь на узорчатом, похожем на змеиную кожу полу, окружённый бесконечной колоннадой – ровными рядами простых, как свечи, колонн из серого гранита.

Послышались гулкие, сопровождаемые эхом шаги, но того, кто приближался, видно не было.

– Магистр, – склонил голову Стас.

В тот же миг рядом с ним проявилась щуплая фигура немолодого на вид мужчины в смокинге, белой рубашке, узких брюках и лаковых туфлях, отражавших отблески невидимого пламени.

– Ты сделал выбор, претендент? – свистящим шёпотом спросил тот, кого называли магистром.

– Я сделал выбор.

– Кого из трёх? Ольга, Анна, Ксения?

– Анна.

После недолгого молчания магистр зашептал:

– Ты назвал самый сложный вариант, мальчишка! Уверен в своих силах? Помнишь, что провал отбросит на год обуче-

ния обратно?

– Она не показалась мне сложной, ваше первостепенство.

– Я предупредил.

Магистр провёл ладонью по невидимой плоскости. В воздухе возникли написанные пламенем имена. Стас протянул руку и коснулся того, что было в середине. Крайние исчезли, а буквы АННА разгорелись ярче. Затем, будто кто-то невидимый писал огненным пером, проявились слова задания: «Порабощение чистой души».

Едва заметно шевеля губами, Стас прочёл условия, каким должен следовать, чтобы перейти на новую ступень иерархии. Закончив, произнёс:

– Усвоил. Приступаю.

– Ты самонадеян, – сообщил ему магистр, – через два месяца всё должно быть завершено.

С этими словами он растворился. Погасли и буквы.

Наша реальность. Продолжение

Анне скучать не пришлось. Пока парень, с которым она приехала, отсутствовал, за столик подсел подвыпивший мальчишка лет шестнадцати. Назвался Мишей и веселил девушку, припоминая бородатые анекдоты, по большей части неприличные. Каждый раз, произнеся непечатное слово, он шумно тянул ноздрями воздух и говорил:

– И-изз-звините мой французский.

Анюта не знала, как отделаться от развязного собеседника, и поминутно оглядывалась, высматривая в толпе Стаса. Тот подошёл, ни секунды не медля, взял Мишу за шкирдон и толкнул. Парень пропахал мимо двух соседних столов и растянулся в ногах у танцующих. Его со смехом подняли и повели к барной стойке.

– Зачем же так? – Анна посмотрела на Стаса, ища хоть каплю сочувствия к бедолаге, но лицо нового знакомого сохраняло постное выражение. – Мальчишка мог пораниться.

Стас то ли не расслышал, то ли не захотел развивать тему. Предложил выпивку и потянул танцевать. Так, с бокалами в руках, они смешались с толпой и вместе со всеми кричали от восторга, когда на сцене появилась группа музыкантов с полураздетой солисткой.

Трудно сказать, что пьянило Анну больше – выпитое вино или общество шикарного мужчины, который хоть и не смотрел на неё, но неуловимо давал понять, что Анна – его девушка, а он – её парень. К полуночи Кузница забыла о работе и родителях, о бывшем возлюбленном и своём горе, о стихах, неожиданно обретших дом – красивую книгу. Черноглазый смазливый парень непостижимым образом обрёл власть над мыслями, чувствами и реакциями Анны, подчинение ему казалось естественным, единственно возможным поведением. Быть рядом с ним всегда – вот чего хотелось отчаянно!

Когда Анну потянули за руку из толпы, она сопротивля-

лась. Между ней и Стасом оказалось сначала два человека, потом десять, потом двадцать.

– Ты чего привязался? – возмутилась девушка, увидев, что тащит её Миша, уже не такой пьяный как час назад.

Не замечая протестов, Миша вывел Аню на улицу. Лицо его покраснелось, лоб покрыли капельки пота. Борьба за Анютино внимание далась нелегко.

– Вадим просил передать, – серьёзно начал разговор паренёк, – чтобы ты поскорее возвращалась домой. Это опасный тип.

– Кто тип? – засмеялась девушка, но тут же посерьёзнела. – Какой ещё Вадим?

– Вадим как Вадим, – ответил Миша и поднял руку на пятнадцать сантиметров выше Аниной головы, – такой.

Анюта спешно достала мобильник и показала заставку – фотографию, которую они с Вадимом сделали на фоне Эйфелевой башни.

Парень кивнул:

– Этот.

– Ты говорил с ним?

Миша не успел ответить, заметил приближающегося Стаса и драпанул. Анна, обхватив себя, дрожала.

– Что с тобой? – спросил Стас, провожая глазами убегающего юношу.

– Отвезёшь меня домой? Боюсь, на последнюю маршрутку не успеть.

– Хочешь домой? Уверена?

– Очень хочу, – глядя себе под ноги, ответила Аня, – клубная жизнь мне...

Стас не дал договорить, пошагал к стоянке такси.

На сей раз спутник сел рядом, взял её руку, но Анна отняла и тихонько всхлипывала всю дорогу.

Болезнь

Ночью Аню колотил озноб, она натянула поверх одеяла не только плед, но и покрывало. Готова была в шубу влезть, но страшно было высунуться из-под горы тёплых вещей. Потом стало жарко. Анята металась и бредила. Напуганная Валерия Павловна вызвала «скорую», переодевала дочь в сухое, меняла постельное бельё, поила по глотку тёплым чаем, как маленькую.

Медики вкололи жаропонижающее и обещали вызвать врача. К утру Аняте стало легче. Мать отправилась на работу, строго наказав прислать эсэмэску с названиями лекарств, которые выпишет доктор.

Больная в полудрёме вспоминала вчерашний вечер. Её беспокоило необъяснимое состояние, в котором она пребывала рядом со Стасом – зависимое, подчинённое. Как он этого добился? Почему в голову не приходило возразить, предложить что-то своё? Зачем потащилась в этот дурацкий клуб? Ане неловко было вспоминать, как орала вместе с толпой, приветствуя певичку, кривлялась, пила... неудивительно, что голос пропал. Вела себя, точно вырвавшийся из-под опеки подросток. Оправдывая себя, предположила, что в коктейль подмешали дурманящую дрянь. Спасибо пареньку Мише, вовремя выудил из толпы и вразумил. Мысли перескочили на неведомого благодетеля, который, прикрываясь

именем Вадима, опекал её. Кто? Зачем?

В одиннадцать пришёл участковый врач – богатырского вида дядька с красным лицом. Посмотрел горло, послушал, выписал рецепты и на прощание посетовал, что Кузница – первая ласточка, наверняка по городу пошла гулять инфекция, теперь не набегаяешься по вызовам.

Девушка проводила врача с облегчением. Не вызывала бы, да больничный лист нужен. А теперь придётся ещё тащиться в поликлинику, чтобы закрыть. Собралась матери эсэмэс послать. Достала из сумки телефон и обнаружила четыре непрочитанных сообщения. Вот те раз! Вчера в шуме и гаме не расслышала сигнала, а ведь... С номера Вадима. Открыла. Знакомые предупреждения: не соглашаться, не ходить, не поддаваться. Что за попечение? Не добился эсэмэсками, так подговорил мальчишку оторвать от Стаса. Задумалась, вертя в руках трубку, подскочила, когда та завибрировала и разразилась призывной мелодией.

Звонила Шалость, обещала зайти после смены, а по пути забежать в аптеку. Аня кинула наименования лекарств ей. Люська воспользовалась ситуацией, отпросилась с работы пораньше. С некоторых пор Шалуныя не гналась за надбавками, еле-еле норму выполняла, лишнего ни-ни. Митя злился, но не связывался с отчаянной монтажницей, готовой в любой момент выдать колкость, а то и высмеять.

Аня открыла дверь подруге, намотав на себя плед – опять начало знобить.

– Не боишься? Врач сказал, что инфекция.

– Зараза к заразе не липнет! – засмеялась Люся. – Чаем напоишь? На работе не успела. Кедров отпустил, как только узнал, что тебе нужны лекарства.

Гостья сама всё организовала, Аня сидела, привалившись к стенке, с улыбкой поглядывая на суетившуюся подругу, слушала рассказы. Молчала – больно было говорить.

– Пей тёплое! Масло, мёд. Давай-давай. Лекарство – это здорово, но народную медицину никто не отменял.

Анюта послушно пила чай с молоком, куталась в плед и слушала повествование о том, как Митя, оказывается, к ней – Кузнициной – не равнодушен.

– Зря теряешься, – подмигивала Люська, – Вон, Старостина! Без году неделя как работает, а положила на мастера глаз.

– Старостина? – Аня чуть не поперхнулась чаем. – Она старше лет на десять!

– На семь. А вот не брезгует. Тётки шепчутся: пирожки таскает Мите, ну и... кое-что сладкое предлагала.

– Тьфу. Глупости. Митя женоненавистник, всем известно.

– Я бы не стала утверждать, – Шалость покрутила в руках чашку, разглядывая рисунок, и уверенным голосом продолжила: – Брак для него не существует, а так, поразвлечься...

– Люся, тебя не поймёшь. То ты пилила меня за Вадима, который не женился, то предлагаешь с Митей поразвлечься.

– Фигню-то не пори! Я говорю: со Старостиной он готов поразвлечься, а не с тобой. К тебе Кедров серьёзно...

Аня покачала головой, сделав кислое лицо, и сказала:

– Он мне неприятен, как...

– Ах да! У тебя теперь чернобровый мачо!

Начались расспросы о вчерашнем вечере в клубе. Аня отнекивалась – горло болит – но Люська настаивала. Чай ли тёплый помог, или, начав говорить, Аня уже не могла остановиться, но выложила всё, включая сомнения в собственной адекватности.

– Постараюсь узнать, что за клуб. Фома говорил: есть такие, где на дурь подсаживают. Давай-ка осторожнее с этим красавчиком.

В комнате Аня улеглась в постель, а Люся прохаживалась, рассуждая о Старостиной. Сплетен было собрано на два сезона дамского сериала. Тётка разведённая, растит единственную дочь, тогда как энергии хватило бы на пятерых отпрысков, но детей не любит, зато обожает кошек и собак – кормит уличных, подбирает брошенных, пристраивает. Не против и мужика бесхозного обогреть. А Мите плохо, что ли? И любовница, и мамуля в одном флаконе.

У Аняты заболела голова от разговоров, взмолилась:

– Люся, избавь от подробностей. Поверь, мне никакого дела нет ни до Старостиной, ни до Кедрова.

– Ладно, чистюля, умолкаю, – Шалунья взялась за книгу, лежавшую на столе, – это что?

Полистала, запрыгала, изображая вождя африканского племени после удачной охоты, перебесившись, села на край

кровати. Анне пришлось рассказать о подарке Геннадия.

– Ничего себе! – восторгалась Люся. – Как много! Подаришь, а?

– Конечно, бери.

– Подпиши!

– Не сейчас, – Аня подняла руку. – Видишь, пальцы дрожат. Поправлюсь, подпишу.

– Ух, ты! У меня будет книга с автографом автора! Вот Фома удивится. Моя подруга – настоящая поэтесса!

Аня улыбалась, радуясь смене темы. Шалость понесло:

– Покажу завтра тёткам! И Мите, конечно.

– Не стоит.

– Покажу-покажу. Молчи! Ничего не понимаешь! Старостина от злости лопнет.

– Причём тут она? Шалунья, ты неисправима.

Теперь Шалость переключилась на Геннадия. По её словам, сделать такой шаг мог только влюблённый мужчина.

– А что? Вариант. Будешь богатенькой. Смотри, нос не задирай!

– С чего это я буду богатенькой, – смеялась Анюта, – хорош выдумывать!

– У Филоретова какие-то тёрки с сынулей, но без наследства не оставит.

– Люська! Прекрати. Не слушаю тебя. И вообще, дай спокойно поболеть.

– Хочу тебе счастья, подруга, – заговорила серьёзным то-

ном Люся, – неловко даже, у меня так удачно всё складывается, а ты...

Аня замахала руками, показывая, что её терпение на исходе. Шалость скривила рот, пожала плечами и пошла к выходу:

– Раз так, уйду. Дверь захлопну, валяйся – болей.

Визит подружки подействовал на Аню благоприятно. Она прекратила себя мысленно препарировать, выпила лекарства и задремала. К вечеру совсем поправилась, хоть на работу выходи завтра. Валерии Павловне пришлось поднять шум, чтобы убедить дочь отлежаться, как и велел доктор, до среды.

Стас не звонил. Странно всё-таки. Мог бы поинтересоваться её самочувствием. Вчера сказала ему, что горло разболелось, когда попросила домой увезти. Аня лежала, смотрела в потолок и размышляла о том, кем считает её Стас и как ей воспринимать его. Съездили в Москву, поплясали в клубе... Что такого? С другой стороны, стал бы он приглашать девушку, будь она не интересна?

Люся позвонила довольно поздно. Родители уже улеглись, Ане пришлось идти в ванную разговаривать, чтобы не разбудить их. Голос у подружки был встревоженный. Даже и не вспомнить, когда она так волновалась – вечные «хи-хи» делали Шалунью в глазах окружающих совершенно невосприимчивой к проблемам.

– Знаешь, Кузя, куда ты влипла?

Не дождавшись ответа – Аня как раз прошла в ванную – Шалость сообщила:

– Фома сказал, тот клуб, куда тебя угораздило попасть, на плохом счету, и уже давно.

– Я сама не запомнила, что это за клуб, а Фома твой...

– Они по локализации телефона посмотрели.

– По чему? – изумилась Аня.

– Может я и не так чего усвоила... Короче, есть карта, по которой можно проследить, где и когда был твой мобильный. Въехала?

– Ну?

– В этой вшивой «Обезьянке» – так прозвали клуб – девушки пропадают!

Аня выдержала паузу, рассматривая бледное лицо, отражённое зеркалом, и постаралась как можно бодрее сказать:

– Прямо там и пропадают? Чушь какая-то.

– Прямо или криво – не известно. Только несколько девушек исчезли, а в последний раз их видели в «Обезьяне».

Подруги молчали. Аня смотрела, как из плохо закрытого крана капает вода и морщилась. Горло саднило.

– Люсь, – собственный голос показался жалобным до крайности, – спроси у Фомы адрес, я туда съезжу.

– Совсем сбрендила? Не вздумай.

– Надо одного человека найти. Очень.

– Стаса?

– Нет, Мишу. Мальчик молоденький. Он мне помог...

Уверенность в том, что Ане просто позарез надо расспросить Мишу о «Вадиме», росла. О том, что парнишки может и не оказаться на месте – не прописан же он в этой «Обезьяне» – не подумала. Люся загорелась. То ли прониклась подружкиным тоном, то ли сама взяло любопытство:

– Одну не отпущу. Завтра с Фомой поедем. После смены. Я, может, опять пораньше отпрошусь. Скажу, тебе уколы делаю.

– Да ладно! Умеешь? – Засмеялась Аня. Ей стало очень-очень хорошо от Люськиного понимания и поддержки.

Простились. Больная заглянула на кухню, хлебнула воды и отправилась в постель. На сей раз она спала спокойно.

Миша

Утром Аня уселась перед компьютером. Глянуть, что там, на «Стихи. ру», в Фейсбуке и вообще... в мире? Литературный сайт не порадовал – читателей мало, рецензий нет, зато на Фейсбуке фотография с книгой в руках набрала кучу лайков и комментариев. Отметились почти все виртуальные друзья. Аня раньше подписывалась на творческие странички, теперь «коллеги» не скупилась на поздравления, сыпали комплиментами, приглашали поучаствовать в конкурсах.

Кузница увлеклась и не сразу поняла, о чём щебечет позвонившая с утра пораньше Люся.

– Забыла, что ли? Мы ж договорились ехать в «Обезьянку». Через пять минут спускайся, машина будет у подъезда.

Аня кивнула, отключилась и поставила телефон на зарядку – трубка плакала всё утро – хоть немного подкрепится. Наряжаться и прихорашиваться времени не было. Наскоро причесалась, влезла в джинсы, пушистый свитер и кроссовки.

Хёндай урчал у подъезда. Фома опустил стекло, кивнул. Выбираться и демонстрировать галантность не стал. Кузница сама открыла дверцу, забралась на заднее сидение. Там ей распахнула объятия Люська. Подруга сделала круглые глаза, приложила палец к губам и махнула головой, указывая вперёд. На правой чашке сидел плечистый парень с бритым

затылком.

Пока ехали, девушки помалкивали, парни время от времени обменивались короткими репликами. Бритый ответил на звонок и два раза произнёс: «Так точно». Аня чувствовала себя разведчицей на задании. Шалунья сидела смирно, но то и дело строила рожицы, изображая отношение к происходящему при помощи мимики: велено молчать – молчу, но всё это до крайности весело!

Клуб назывался «Кокосовая пальма». Позавчера Анна не заметила нависающих над козырьком букв, видела лишь витрину с чучелом обезьяны на стволе дерева. «Визитная карточка» и дала заведению народное имя.

Внутри было пусто. Две восточные женщины тёрли полы, на сцене их соплеменник двигал ящики. Навстречу группе товарищей из затенённых глубин вышел одетый в растянутую футболку и драные джинсы моложавый человек, которого в тот вечер Аня видела разряженным как для конкурса карнавальных костюмов.

Пока мужчины разговаривали, Шалость и Кузницина переминались с ноги на ногу в центре просторного помещения. Наконец, Фома указал собеседнику на Анюту и вместе с напарником ушёл в служебные помещения.

– Что желают барышни узнать? – спросил незнакомец.

– Вы хозяин? – уточнила Аня, помня, что Стас называл хозяина клуба другом. Мужчина отрицательно покачал головой, но не представился. Аня, помедлив, заговорила: – Мне

нужен Миша. Он был здесь позавчера ночью. Молоденький паренёк... Мы с ним вон там, за перегородкой, болтали.

– Ха-ха-а-а, видел я, как твой френд послал Малька полетать.

– Малька?

– Малёк. Часто бывает. Устали выпроваживать. Несовершеннолетний... Да.

– Как его найти? – Аня запнулась, смущённая изучающим взглядом. – Надо расспросить об одном человеке. Миша передал от него... привет.

– А-а-а! – опять хохотнул собеседник. – Я уж думал, Малёк что-то натворил, раз им серьёзные люди интересуются.

– Мы несерьёзные, – вставила свои пять копеек Люська и лучезарно улыбнулась.

– Как его найти? – повторила Аня.

Молодой человек жестом фокусника выхватил из-за её уха телефон, рассмеялся удивлению девушек и сообщил:

– В этом доме живёт. Надо обойти. С другой стороны подъезды. Квартиру не знаю. Сейчас звякну. Если сможет, выползет.

Он отошёл на два шага, прижал трубку к уху. Аня расслышала, что говорил:

– Малёк, тобой две кобылки интересуются. Нет, бить не будут. Другой чувак им треба... Ага. Выйди во двор... Да знаешь, знаешь. Ты клеился к долговязой.

Девушки перед уходом увидели, как Фома вернулся в

зал. Люся махнула рукой, объясняя, куда они направляются. Обогнули дом. Мишу Аня разглядела сразу. Паренёк крутился на детских каруселях. Когда встал навстречу незнакомкам, два малыша обрадовано полезли на сиденья.

– А-а, ты, – протянул Миша, – я уж думал, долг какой позабыл. Ну? Чего надо?

Аня достала фотографию, которую прихватила из дома. Вадим на ней получился очень хорошо. Стоял на «Языке Тролля», улыбался, раскинув руки, будто хотел обнять всю округу. Девушка вздохнула, припоминая счастливые дни путешествия по Норвегии, и отдала снимок Мише.

– Этот человек просил тебя поговорить со мной?

Малёк пожал плечами, покрутил фото и вернул его Анюте.

– Ты ж тогда показала мне его на мобиле. Ничего с тех пор не изменилось.

– Как он говорил? Близо подошёл? Может, ты не разглядел? Так и скажи. Мне важно: точно он или кто-то похожий.

– Да он! Что я слепой? – Миша сунул руки в карманы и отступил шага на три. – Вот так стоял, не дальше. А говорил? – паренёк задумчиво поглядел в небо и стал постукивать по асфальту носком ботинка. – Не понятно как говорил. Грохот стоял такой, что даже на ухо будут орать, не услышишь, а он губами шевелил и у меня прямо в мозгу слова звучали.

– В мозгу? – хором спросили девушки.

– Говорю же! – Малёк звонко постучал себя по голове. –

Прям там. Привязался: вытащи её, спаси, уговори уехать. Я послал его, так не отстаёт. Блин! Думаю, легче сделать... Ну и за тобой полез. Хорошо, Бешенный твой отвлёкся.

– Какой бешеный? – удивилась Аня.

– Тот, что кульбит мне организовал.

– А! Стас.

– Не знаю, не пили. Ладно, я на хаус, – Миша попятился, с прищуром поглядывая за спины девушек, – а то, как бы ещё не схлопотать.

Из-за угла показались Фома с напарником. Люся и Аня пошли им навстречу. Фома широко улыбнулся, привлёк девушек к себе:

– Вот что. Вам обеим благодарность, – доверительно прошептал, – мы здорово продвинулись.

Бритый кивал, выпятив губу. Аня высвободилась из объятий, Люська хихикнула и тоже вынырнула из-под руки ухажёра. В ответ на недоумённый взгляд Ани тот сказал:

– Я представился приятелем Стаса. Имя это открывает многие уста в «Обезьянке».

– Ух! Класс! – Шалунья подпрыгнула на одной ножке.

Аня восторгов подруги не разделяла. Они направлялись к стоянке, где сейчас не было ни одной машины. А почему не к Хёндаю Фомы?

Парень, упредив вопросы, объявил:

– У нас ещё дела, девчата. Доедете на такси, хорошо?

Не успели они кивнуть, как рядом затормозил жёлтый ав-

томобиль. Фома пошептался с водилой, сунул ему деньги, открыл дверцу, приглашая Люсю и Аню в салон. Аня послушно уселась, а Шалость успела чмокнуть кавалера в щеку, прежде чем плюхнулась на сидение.

Ехали молча. Люська, весёлость которой улетучилась, тарасилась в окно с таким интересом, будто там показывали новый сезон «Игры престолов». Аня разглядывала фотографию – так и не спрятала в сумку – и едва сдерживалась, чтобы не заговорить с изображением когда-то любимого человека. Или до сих пор любимого?

Таксист высадил Аню и повёз Люську дальше. Кузница обошла Рендж Ровер, неизвестно каким ветром занесённый к ним во двор, и пошагала к подъезду, но автомобиль тронулся и медленно поехал следом. Девушка оглянулась. Стекло опустилось, в рамке окна показался Геннадий.

– Дэушка, а дэушка! – заговорил он, изображая акцент, – куда такая красивая идошь?

– Привет! – остановилась Аня.

– Садись-ка, поговорим.

Кузница пожала плечами и покосилась на дверь подъезда.

– Я вообще-то болею.

– Недолго, обрисую проблему в общих чертах. А ты будешь думать.

Будто ей не о чем думать. Ещё и миллионеры будут свои проблемы подбрасывать. Однако благодарность за подарен-

ную книгу стихов ещё не истлела, Аня пошла вокруг машины, чтобы сесть рядом с Геней.

Предложение

Кресло обнимало. В салоне было уютно, просторно – дом, а не машина. Тепло, тонкий аромат освежителя... или это дезодорант Геннадия? Не хотелось ни о чём думать. Сидеть бы расслабившись и мчать за тридевять земель, подальше от загадок.

– Аня, – голос владельца Рендж Ровера вернул к действительности, – жизнь, которую ты ведёшь, не для тебя.

Кузница не реагировала, уставилась вперёд. Геннадий и не ждал вопросов, произносил заготовленную речь, будто читал бегущую строку на лобовом стекле:

– Ты талантливый, приличный, добрый человек...

В мужском роде о ней? Анюте стало не по себе, она с ещё большим вниманием разглядывала едва приметную точку в небе.

– ...достойный другого обрамления. То, что я скажу, может показаться подозрительным, но, поверь, я желаю тебе только добра, только обеспеченных, наполненных творчеством лет...

Кузница вслушивалась всё напряжённее. Права Люська? Филаретов-младший влюблён? Замуж зовёт или в сожительницы? Девушка мяла сумку, рискуя превратить содержимое в фарш. Старалась скрыть волнение, но частое дыхание выдавало. В висок беспокойным мотыльком бился пульс.

– ...Будешь жить в Москве, в просторной удобной квартире. Захочешь путешествовать – можно и это устроить. А так... совершенствуй поэтический дар. Любые курсы, мастер-классы, специальная литература... Всё оплачу...

Да просто – рай! Кузница закусил губу. Где подвох? Должен быть подвох!

– ...Надеюсь, предложение тебя заинтересовало, – завершил монолог Геннадий.

Ещё бы не заинтересовало! Аня обернулась, но молодой человек смотрел в сторону, так что выражения глаз невозможно было понять.

– Прости, я не увидела предложения. Замуж зовёшь или что-то другое?

– В каком-то смысле замуж, – не оборачиваясь, ответил Гена.

– Опять не понимаю. Что значит «в каком-то смысле»?

– Фиктивно. Будешь по документам Филаретовой. Надеюсь, прославишь фамилию, – он, наконец, повернулся, – спать вместе не придётся.

Что-то новенькое в фиктивных браках. От неё-то что требуется? Прославлять фамилию Филаретовых? И так в Форбс не последняя, куда уж славней. Аня закрыла рот, заметив, что челюсть у неё отвисла. Потянула ручку двери, та не поддавалась.

– Открой, пожалуйста.

Геннадий отрицательно покачал головой и спросил:

– Что тебя напугало? Уйдёшь из НПО. Разве тебе по душе мартышкин труд? На что тратишь молодость? Удивляюсь, как вы там с ума не сходите!

– Да уж потратила, – пробурчала Аня, продолжая мучить ручку, – открой.

– Разве я прошу чего-то неподобающего? Формально будешь считаться моей женой. Проводить дни так, как угодно. В достатке и удобстве. Захочешь иметь прислугу – пожалуйста. Захочешь хозяйничать сама – не стану возражать. Одно лишь условие...

А вот! Добрались и до условий. Какова же плата за рай земной? Аня замерла. Ну?

– Родишь ребёнка.

– Погоди-ка... Спать не будем, ты сказал. Непорочным зачатием предлагаешь воспользоваться или от другого мужчины...

– От меня. Я предоставлю материал.

– Какой щедрый! – воскликнула Кузница, – а я ещё и не соглашаюсь, дурр-ра! Материал он мне предоставит! Пошёл ты! Открой дверь!

– Анечка, прошу подумать. Мы сможем развестись, если что, – голос Геннадия стал умоляющим, да и сам он выглядел жалко: утратил лоск, надменное выражение лица исчезло. – Если ты не согласишься, даже не представляю, где найти нормальную женщину... Отец дал сроку месяц, иначе сам обеспечит меня невестой. Мне бы не хотелось.

Блин блинский! Ей стало жалко этого человека. У богатых, что называется, свои слёзы. Но сдаваться Кузница не собиралась.

– Месяц-то ещё есть. Найдёшь. Открой!

Ручка поддавалась, ловушка распахнулась, Аня чуть не выпала на асфальт. Выбралась, с силой шарахнула дверцей. Обежала вокруг машины, направляясь к подъезду. В спину ей сказали:

– Думай. Жду ответа.

Аня не помнила, как вбежала по лестнице. Не заходя в квартиру, достала мобильный посмотреть, нет ли сообщений.

– Что же ты, Вадик? Где твои предупреждения?

К вечеру разболелась голова, опять драло горло. Аня, точно зомби, бродила по квартире, глотала одно обезболивающее за другим. Мать, вместо того, чтобы сжалиться над несчастной, устроила выволочку: надо же додуматься, ша-стала где-то целый день, когда надо лежать спокойно в постели!

Наконец, молотобоец в башке угомонился, Аня затихла в своём гнёздышке, сквозь дрему слушая перебранку родителей. Отец вступился за безалаберную дочуру: она уже взрослая, незачем отслеживать каждый шаг. Тема была не нова, дискуссия, по обыкновению, затянулась, финала Аня не услышала – заснула.

Непонятки

После болезни на работу еле притащилась. Ходишь каждый день как заведённая, вроде и ничего, а стоит выпасть из ритма, так хоть кричи. Прав Геннадий – Кузницина предпочла бы творчество однообразному труду. Школьницей мечтала пойти в журналистику, а ещё лучше – на сценарный ВГИКа, но с теми результатами ЕГЭ по русскому и литературе, которые Аня умудрилась получить, имея при этом пятёрки в табелях за все годы, не то что на бюджет, даже на платное обучение не взяли бы. Тем более что платить за неё никто не собирался.

До разговора с Филаретовым Анюта не слышала о курсах и мастер-классах по сочинительству. Как большинство человечества, считала, что издают книги и печатаются в журналах лишь те, кто окончил Литературный институт или хотя бы получил филологическое образование. Не говоря уже о таланте, наличие которого у себя Кузницина стеснялась признать. Радовалась, когда очередной скороспелый стишок находил приют на литературном сайте. Баловство да и только, отдушина в однообразной действительности. Неожиданно обретённый сборник совершил переворот в душе поэта-любителя. Геннадий не зря потратил деньги: десять иллюстраций, продуманная вёрстка, удачный дизайн обложки делали книгу подарочным изданием. Хотя оно и было подарочным,

ведь Гена готовил сюрприз другу. Другу?

Замерла, окаменев от мелькнувшей в голове догадки. Аня стояла на входе в цех. Остолбеневшую сотрудницу толкали спешившие к рабочим местам тётушки, та ничего не видела, не слышала, не чувствовала. Вот оно что! Генеральный бредит наследниками, а единственный сын... Вот откуда ультиматум и невыполнимый срок! Вызвала в мозгу образ Геннадия. Обычный с виду парень – ухоженный, элегантный, несколько высокомерный, что для «золотого мальчика» не удивительно. Ему не нужна женщина, только ребёнок. Неприятное чувство шевелилось в груди, остро захотелось избавиться от мыслей об этом человеке. Кузница трянула волосами и поспешила в «аквариум», чтобы отдать табельщице больничный лист.

Старостина – та самая, о которой сплетничала Шалость – сидела в комнате одна. Заметив Аню, табельщица сделала официальное лицо. Кузницей показалось странным, что женщина не завела разговор на постороннюю тему, за ней водилась привычка строить из себя светскую даму.

Взгляд Анюты скользнул по небольшой, склонной к полноте фигуре, по небрежно заколотым волосам средней длины, пепельного цвета. Сохраняя бесстрастное выражение, Старостина приняла документ. Аня подождала ещё мгновение и повернула к выходу. Сквозь стеклянную стену успела заметить порхавшую по цеху Шалость. Подруга пробиралась к столу, одаривая тётушек сияющей улыбкой. Однако, заме-

тив в глубине помещения Кузницу, посерьёзнула, отвела взгляд и уселась. Прямая спина выдавала несвойственную Шалуныне скованность. На приветствие Люся не отреагировала. Тербила заготовки с таким видом, будто от их количества и качества зависят жизни близких людей. Другие работницы замерли, уставившись на подруг. Чего они ждали? Аня поспешила занять своё место. Ей показалось, что Шалуныня не поздоровалась намеренно. Реально обижена?

Кузница, механично выкладывая инструменты, размышляла о причинах Люсиного настроения. Ждала звонка? Нет, Аня три раза пыталась дозвониться до подруги, та не брала трубку. Сама Шалуныня не звонила, а ведь в первые дни болезни каждый день не только по телефону общалась, но и домой забегала. Пока не съездили в «Обезьянку». Что не так? Анюта покосилась на подругу. Та болтала с окружающими, хохотала и ни на секунду не позволяла себе взглянуть в сторону Кузницей. Будто Аня по-прежнему на больничном! Соседка склонилась к Анюте и зашептала, скашивая глаза на Шалуныню:

– Мужика не поделили?

Блин! Вот как это со стороны выглядит! Ну, теперь пойдут слухи. Анюта пожала плечами и занялась работой. Четыре пары заготовок сделала ещё до больничного. Лучше закончить с ними, а уже потом приниматься за следующие. Разложила перед собой, вздохнула.

Это будет Гена – взяла первую заготовку. Если ответви-

тель получится бракованный, то ей суждено стать Филаретовой. Второй, пусть будет Стас, а третий... да хоть и Митя! Четвёртое волокно осталось без имени. Анюта усмехнулась. Из троих претендентов лишь один предлагал идти за муж, но на то и гадание, чтобы заглянуть в будущее. Современный вариант ворожбы. Сердце девушки замирало каждый раз, когда нажатие кнопки запускало электрическую дугу. Процесс проходил идеально, все три наречённых мужскими именами ответителя полностью соответствовали требованиям и отправились в коробку «готовые». «Брак» пустовал. Кузница обратилась к четвёртой заготовке: а ты, кто? Вадим? Отмахнулась от глупой мысли, зарядила заготовку в аппарат, установила ответное волокно, заглянула в окуляр, нажала кнопку.

Сдвоенное и утончённое до нужного диаметра волокно сближалось с одинарным. Два прозрачных стерженька ровными сколами коснулись друг друга. Вспыхнула дуга, размягчившая стекло. Разделяющая линия исчезла и запузырилась. Застыла утолщением причудливой формы, напоминавшим кукиш. Брак! Вот те раз! Аня откинулась на спинку стула. Вадим – вот кто её судьба.

Глупо. Аня огляделась. Никто не подслушал, какими пустяками занята её голова? Тётушки склонились над работой. Даже Шалость угомонилась. До Анютиных экспериментов никому не было дела. Оглянулась на шаги. В сопровождении мастера в цех впорхнула юная девушка с печальными глаза-

ми. Кедров привёл практикантку. Митя шагал вдоль ряда, девчушка семенила следом. Остановились у стола, следующего за Люсиным. Он пустовал. Хозяйку, пока Аня болела, проводили на пенсию. Шалость приветливо вскинула руки:

– Добро пожаловать! – откликнувшись на неразборчивую просьбу мастера, добавила: – Конечно, Митя! Подскажем, научим, подбодрим!

Кузница занялась новыми заготовками. Каждой давала мужское имя. Любое, какое приходило в голову. К перерыву выстроился ряд: Петя, Серёжа, Саша, Коля и Максим. Вполне возможно, что судьба Анютина бродит ещё где-то, совершенно незнакомая.

Переговорить с Люсей во время чая Аня не смогла, хотя стремилась развеять возникшую неловкость. Шалость откровенно избегала Кузницу. В чайной собрала вокруг себя почти всех тётушек и зачитывала раздобытые в интернете «пирожки». Практикантка оказалась в гуще и первой смеялась над шутливыми стишками. Анюта, не допив кофе, сплоснула чашку и отправилась на улицу. Торчать в помещении, где тебя буквально все игнорируют, было выше сил.

В дверях столкнулась с Митей, мастер успел перекурить в буфете соседнего корпуса и торопился в тепло.

– Куда? – спросил строго. – Только поправилась и опять хочешь простудиться? Промозгло, не для прогулок погода.

– Я чуточку, – скользнула мимо мастера Анюта. На душе стало теплей от его заботливого тона. Даже пожалела, что

ответвитель по имени Митя не угодил в коробку «брак».

Игра продолжалась до конца смены. Весь отряд заготовок благополучно переселился в «готовые», из чего Кузница сделала вывод, что имени будущего супруга она не знает. Есть ещё вариант остаться одинокой.

Первый рабочий день после болезни получился на редкость урожайным. Незадолго до ухода Люся решила ещё разок наименовать заготовку Вадимом, совершенно ожидаемо ответвитель получился негодным. «Так, – решила Аня, – вдова-таки».

Прибрала рабочее место, заторопилась в раздевалку. Надо перехватить Люсю, пока та не свинтила. Пусть объяснит, чем Аня заслужила немилость подруги. Оказалось, что Шалость ушла вместе с практиканткой, у которой, как у несовершеннолетней, рабочий день сокращён. И как они умудрились прошмыгнуть мимо? Видно, Аня слишком увлеклась гаданиями.

Хорошо ещё, что первая смена. Вечером темнело рано, и после второй придётся ездить на такси, ведь из-за беспричинной ссоры с Шалуной на автомобиль Люськиного жениха рассчитывать не приходилось.

За проходной Аню ждал сюрприз. Как только девушка сбежала по ступеням, от стены отделилась тёмная тень и скользнула следом. Аня вздрогнула всем телом. Вадим?! Обернулась.

– Это я, – сухо сказал Стас, – извини, что без предупре-

ждения, никак не могу до тебя дозвониться.

– Странно, – Кузница вытащила из сумочки телефон и продемонстрировала пустой экран, – нет пропущенных. Может, ты неправильно номер записал?

– Дай-ка.

Молодой человек порылся в настройках, что-то изменил. Потом сделал вызов со своего айфона. Анютина трубка запела.

– Теперь будут проходить.

Мобильный вернулся к хозяйке. Сунула в карман ветровки.

Двинулись по дорожке. Переполненный влагой воздух холодило лицо. Сердце Анюты учащённо трепыхалось. Девушка никак не могла отделаться от мысли, что её спонтанное гадание не указало на Стаса. Смятение мутной волной захлёстывало разум, немеющими от навалившейся тревоги пальцами Аня сжимала трубку мобильного. Безотчётно представила себя безвольной, загипнотизированной, уснувшей. Спасти её от чар мог только звук полученного сообщения, но «Вадим» молчал.

Тёмный роман

Аня не смогла бы объяснить, почему отношения со Стасом назвала «тёмным романом». Определение это родилось в подсознании и прочно закрепилось.

Почему роман, понятно – Стас ухаживал красиво. По клубам больше не ездили. Гуляли, сидели в кафешках, заглядывали в музеи, на выставки, бывали в театрах. Кузница оформила очередной отпуск и забыла о Люське, работе, тётках. В голове частенько роились мысли о будущем: станут ли они со Стасом близки? Если да, позволит ли он ей оставить работу и заняться творчеством? Судя по всему, новый ухажёр – человек состоятельный и не ждёт трудовых подвигов от второй половинки. Перспектива, обрисованная Филаретовым, крепко прижилась в Анютиных мечтаниях, но Геннадий предлагал нечто неприемлемое, Стас – другое дело.

Почему роман тёмный? Аня довольно скоро привыкла к неприятным ощущениям и научилась подавлять тревогу, порой переходящую в необоснованную панику. Казалось бы, рядом с могучим человеком девушка должна чувствовать защищённость, как это было с Вадимом, а не пугаться неведомо чего. Однако нынешний кавалер одним своим видом сковывал Анютины мышцы, затуманивал разум. Вместе с тем крепла зависимость от него. Девушка шла за Стасом с обречённой готовностью и всё реже вспоминала, как спокойно и

приятно было находиться с Вадиком везде, куда ни заносила их судьба: и в безлюдных местах, и в столичных городах.

С каждым новым свиданием всё неувольнимей становилась связь Анюты с прошлым, настоящее истончалось, теряя значимость. Девушка прекратила анализировать чувства, события, эмоции, отдаваясь течению, которое влекло её, как смытый с берега шаловливыми волнами и унесённый в открытое море игрушечный кораблик. О том, что надо возвращаться домой, Аня вспоминала с усилием. Где-то глубоко ещё теплилось беспокойство за родителей.

Валерия Павловна обрушивала на дочь лавины вопросов и не получала ответов. Стаса родители видели только из окна, новый кавалер не спешил знакомиться.

Каковы намерения? Серьёзно или нет? Не так Нюрка молода, чтобы гулять без перспектив. Эти и подобные речи Аня игнорировала: окутывающая сознание пелена не сразу отступала и дома. А когда отступала, мать успевала уgomониться.

* * *

Сентябрь готовился передать правление октябрю, радуя людей тёплом затянувшегося бабьего лета. Один из таких дней стал поворотным в судьбе Анюты. Месяц, как они со Стасом познакомились, не то чтобы юбилей, но решили отметить. Сидели в полупустом ресторанчике, беседовали. Вернее, говорила Аня, Стас слушал и смотрел изучаю-

щим взглядом, изредка задавал простые вопросы. Кузница-на не была болтушкой, а тут прорвало – всю жизнь рассказала, взгляды и принципы выложила. Вот что значит заинтересованный слушатель! Аня допила шампанское и, смущаясь, сказала:

– Что-то меня понесло сегодня. Лучше ты что-то расскажи.

– Родственники не будут возражать, если мы соединим судьбы?

– Хочешь познакомиться с моими родителями?

Сердце девушки заколотилось. Это предложение? Они поженятся? Стас молчал, по-прежнему прожигая угольками глаз лицо девушки. Она смущённо отвела взгляд и сказала:

– Приходи завтра к нам часа в три, познакомишься с мамой и папой. Надеюсь, они не будут возражать.

Расстались как всегда – на крыльце Анютиногo подъезда. Стас привычно чмокнул её в щёку, придержал дверь и, когда девушка зашла внутрь, сбежал по ступенькам. Оказавшись одна, задумалась. Что происходит? Этот красавец-мужчина думает о законном браке? Тётушки из цеха лопнут! Или он рассчитывает на пробный гражданский? Родителям не знала, как сказать. Молодой человек придёт просить её руки, или просто пожелал предстать пред их очами для знакомства, или решил на них посмотреть, чтобы вместе с женой не получить мегеру-тёщу.

Валерия Павловна, уловив беспокойство дочери, взвин-

тила себя до крайности. Придумывая неотложные задачи, Анюту загрузила: пыль протри да пропылесось, да цветы полей, люстру зачем-то помыть заставила, а сама всё парит-жарит, будто уж и свадьба! Дочь пыталась погасить энтузиазм, но поняла, что так маме спокойнее – делами занята, о важности момента меньше мыслей. Чем ближе подходил назначенный час, тем больше сомнений шевелилось в Анином сердце. Соединить судьбы – что он под этим понимает? Стас никогда не говорил о чувствах, вообще мало говорил. Где он работает? Где живёт? Есть ли у него родня? Месяц – срок немалый, а она ничего не знает о своём ухажёре. Ничему жизнь не учит! Вадим тоже таился, хоть и не до такой степени, но кончилось всё плохо. Недомолвки в паре – подводные рифы, о которые легко разбиться чувству. Аня безотчётно проверяла, нет ли пропущенных эсэмэс. На этот раз таинственный опекун предоставил её самой себе.

Хаотичные мысли оборвал резкий звонок. Девушка бросилась к двери, распахнула её. На пороге Стас. Без букета, без улыбки.

– Ты готова?

– Проходи!

Он шагнул в прихожую, прикрыл дверь, не защёлкивая замок. С кухни вышла мама, из комнаты отец.

– Знакомьтесь, – сказала Анюта сипло, – это Стас.

Гость наклонил голову, выслушал имена-отчества хозяев.

– Раздевайтесь, Стасик, проходите. Можно сразу к столу,

у меня всё готово.

– К сожалению, не получится. Спешим. Пойдём, дорогая, – он снял с вешалки плащ и указал глазами на туфли. Аня послушно обулась и нырнула руками в подставленные рукава.

– Что? Так и уйдёте? – загремел отец. – Побеседовать бы надо, обсудить.

– Разве Анна не сказала? – холодно отреагировал Стас. – Мы решили жить вместе.

– А вещи? Она и вещей-то не собирала, – робко возразила Валерия Павловна.

– Не беспокойтесь. Всё есть для неё. Ничего брать не нужно.

Молодой человек вышел из квартиры и оглянулся, поджидая. Анюта наскоро обняла отца, повернулась к маме. Та, целуя дочь, шепнула:

– Взгляд нехороший у него.

– Пока, мам! Не волнуйся, – Аня отстранилась, схватила протянутую отцом сумочку и, споткнувшись о порог, выбежала на площадку.

По лестнице спускались молча. Выйдя на крыльцо, Анна пробормотала себе под нос:

– Нехорошо получилось. Надо было посидеть, отметить.

Стас услышал. Указывая на серебристый Проше Кайен, предложил:

– Отметим. Сейчас заедем в магазин, купим что-нибудь.

Прошу.

Какая машина! Девушка уселась на кожаное сиденье.

– Не знала, что у тебя есть автомобиль.

– Я редко езжу, только за город. Там у нас с тобой трёхэтажный коттедж, – водитель смотрел вперёд, старательно объезжая ямы.

– Скажи! Почему ты выбрал меня? – Аня, подавляя нарастающую тревогу, вглядывалась в казавшийся чужим профиль.

– У тебя душа чистая, – ответил Стас, по-прежнему глядя строго вперёд.

Она прижалась щекой к его плечу, чувствуя, как перекачиваются мускулы. Мелькнула банальная мысль: «Вот оно – крепкое мужское плечо!»

Остановились около супермаркета неподалёку от того дома, где чуть меньше месяца назад побывала Кузницина. Из-за школы через дорогу виднелся его угол. Взгляд скользнул по окнам – там сейчас мама Вадика... Сердце сжалось, пропустив удар. Аня испуганно взглянула на Стаса: не заметил? Лицо спутника сохраняло невозмутимое выражение.

В магазине побросали в тележку, что под руку попало. У касс было многолюдно. Аня выхватила взглядом перспективное местечко. Эти уже расплачиваются, а у старушки покупок в корзинке всего ничего. Девушка, пробежавшись, встала за бабулей, Стас послушно подкатил тележку. Тут же за ним выстроилась очередь. Аня радовалась своей ловко-

сти, Стас пристально разглядывал старушку. Та выложила из корзинки хлеб, булочки с отрубями, бананы, молоко... Покупки методично перекочёвывали на правую сторону от касирши. Покупательница, порывшись в сумке, достала пенсионное удостоверение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.